

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
Кафедра гражданского права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой

_____ _____
подпись инициалы, фамилия
« _____ » _____ 20 ____ г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

40.03.01 Юриспруденция

Преддоговорная ответственность в гражданском праве РФ

Руководитель _____ доцент кафедры гражданского права, к.ю.н. Кратенко М. В.
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Выпускник _____ Кузурманов А. Д.
подпись, дата инициалы, фамилия

Красноярск 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Преддоговорные обязательства: понятие, виды, основания возникновения	6
1.1. Понятие и признаки обязательств. Основания возникновения обязательств.....	6
1.2. Заключение договора: соотношение принципов свободы договора и добросовестного поведения на преддоговорном этапе отношений	14
1.3. Преддоговорные обязательства: понятие, виды (предоставление информации, уважение интересов контрагента и пр.).....	24
2. Преддоговорная ответственность: основание, условия, формы	34
2.1. Основание и общие условия наступления преддоговорной ответственности	34
2.2. Ответственность за недобросовестное ведение переговоров (ст. 434.1 ГК РФ).....	47
2.3. Ответственность за недостоверные заверения об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ) как вид преддоговорной ответственности.....	59
2.4. Иные случаи преддоговорной ответственности в гражданском праве РФ	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	73
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	79

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Быстрое развитие гражданско-правового оборота в России привело к тому, что ставшие стандартными процедуры заключения договора изменяются из-за чего им на смену приходят более сложные и длительные деловые контакты сторон, направленные на заключение в будущем договора. Такими процедурами являются переговоры о заключении договора и схожие с ними деловые контакты контрагентов. Однако, правовое регулирование данных правоотношений фактически отсутствовало, что приводило к нарушениям на преддоговорной стадии прав и законных интересов добросовестной стороны, при этом она была по факту лишена возможности защитить свои права в судебном порядке.

В 2015 году была введена в российское законодательство Федеральным законом от 08. 03. 2015 № 42–ФЗ статья 434.1. ГК РФ. Именно с введением данной статьи стало возможно говорить о наличии полноценной преддоговорной ответственности в гражданском праве России.

Хотя до появления данной статьи действовало положение п.3 ст 307 ГК РФ, которая и является общей нормой, устанавливающей требование добросовестного поведения на преддоговорном этапе, но несмотря на это судебной практики по привлечению по данной статье к преддоговорной ответственности нет.

Имелись и ряд других положений, с которыми научное сообщество связывало наличие преддоговорной ответственности. Это статьи ГК, регулирующие возмещение вреда при уклонении от заключения обязательного договора и возмещения вреда при недействительности сделки. Так же к преддоговорной ответственности относили обязанность возмещения вреда при ненадлежащем исполнении обязанности продавца по доведению до покупателя всей необходимой информации о товаре по ФЗ о защите прав потребителей

Анализ положений российского законодательства о преддоговорной ответственности, изучение ее правовой природы и выявление сущности данного правового института, позволит выявить проблемы правового регулирования в данной сфере, что в свою очередь позволит их исправить и улучшить эффективность правовой защиты прав и законных интересов добросовестного контрагента на преддоговорной стадии заключения договора.

Цели и задачи исследования. Целью настоящего исследования является формирование комплексного представления об институте преддоговорной ответственности в гражданском праве России.

Задачами настоящей работы являются:

- 1) исследовать юридические и фактические основания возникновения преддоговорной ответственности по гражданскому праву РФ;
- 2) определить содержание понятий преддоговорные отношения и преддоговорная ответственность;
- 3) сравнить преддоговорную ответственность со смежными правовыми категориями;
- 4) определить формы преддоговорной ответственности, существующие в гражданском праве РФ, условия ее наступления.

Объектом данного исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе установления субъектами гражданских правоотношений гражданско-правовых обязательств на стадии преддоговорных связей сторон, т.е. возникающих при переговорах о заключении договора и иных подобных деловых контактах.

Предметом исследования являются нормы гражданского законодательства, регулирующие институт преддоговорной ответственности.

Теоретическую основу исследования составили труды зарубежных и российских ученых И. З. Аюшеевой, С. В. Богданова, А. Бурковой, Е. Годэмэ, В. И. Голевинского, Е. С. Даниловой, А. В. Дёминой, Ю. А. Ивановой, О. С.

Иоффе, А. Г. Карапетовой, Н. В. Квицинии, Н. В. Корнилова, А. Н. Кучера, А. В. Литовченко, О. В. Мазура, М. Н. Малеиной, Д. И. Мейера, А. В. Морозовой, К. В. Нама, В. Ф. Попондопуло, Ю. В. Роговой, А. Д. Рудокваса, Е. В. Рузановой, Ф. К. Савиньи, А. М. Степанищевой, Р. О. Тельгарина, А. В. Томсиной, Ю. А. Тымчука, Г. Ф. Шершеневича.

Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики Конституционного суда РФ, Верховного суда РФ, опубликованные материалы судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

Нормативная база исследования включает положения Гражданского кодекса РФ, ФЗ о защите прав потребителей, Постановлений ВС РФ по вопросам регулирования института преддоговорной ответственности и смежных правовых категорий, а также Французского гражданского кодекса и Германского гражданского уложения.

Структура работы. Бакалаврская работа состоит из введения, двух глав, семи параграфов, заключения и списка использованных источников.

1. Преддоговорные обязательства: понятие, виды, основания возникновения

1.1. Понятие и признаки обязательств. Основания возникновения обязательств

Понятие обязательства.

Впервые юридическое определение обязательству попытались дать римские юристы. Термин «obligatio» являлся одним из первых юридических понятий, которым они пытались определить правовую связь, возникавшую между сторонами обязательства. Однако, данный термин использовался лишь для обозначения обязанности (obligatio) как антипода праву (jus). При этом право (jus) понималось широко, как право в обязательстве, так и право вещное. Поэтому, «праву (jus) верителя соответствует обязанность должника (obligatio); также, как и праву (jus) собственника – обязанность (obligatio) всех прочих людей не нарушать его права»¹.

Данная трактовка обязательства как состояния обязанности перед кем-либо нашла свое юридическое закрепление в Институциях Юстиниана. Так Юстиниан писал, что «обязательство – это оковы права, в силу которых мы связаны необходимостью что-либо исполнить в согласии с правом нашего государства»².

Однако, «уже в своих дигестах, которые состояли из сочинений выдающихся юристов, Юстиниан выводит сущность обязательства, которая состоит не в том, чтобы «сделать какой-нибудь предмет нашим или какой-нибудь сервитут нашим, но чтобы связать другого перед нами, дабы он дал что-нибудь или сделали, или предоставил»³. Как мы видим данное

¹ Савиньи, Ф. К. Обязательственное право / Ф. К. Савиньи // – М. : Типография А.В. Кудрявцевой, 1876. – С. 11.

² Квициния, Н. В. Проблемы определения понятия «обязательства» в свете изменений гражданского законодательства / Н. В. Квициния // Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2016. – № 2. – С. 191.

³ Там же. – С. 191.

определение уже конкретно относится к обязательственным правоотношениям, минуя вещное право и право административное.

В дальнейшем, занимаясь изучением и разработкой римского права Ф. К. Савиньи разработал концепция обязательства как особой правовой связи между людьми, в силу которой одно лицо имеет право на действия другого лица, разработанная Савиньи, в дальнейшем была многими последующими юристами.

Дальнейшее развитие учения об обязательстве привело к тому, что большинство ученых стали рассматривать обязательство как правоотношение.

В. И. Голевинский указывал, что «обязательство (*obligatio*) есть юридическое отношение между двумя или более лицами, в силу которого для одного из этих лиц возникает юридическая необходимость что-либо дать. Сделать, или не сделать в пользу другого лица»⁴. Д. И. Мейер же писал, что «обязательством называется юридическое отношение, в котором одному лицу принадлежит право на действие другого лица»⁵. Показательно в данных определениях то, на что делают акценты авторы, определяя сущность обязательства, в первом случае – это обязанность должника, во втором же – это право кредитора.

В ретроспективном аспекте можно выделить три основных доктринальных подхода к определению обязательства, различающихся в основном в расстановке акцентов: одни авторы придавали решающее значение праву требования, другие обязанности, третьи же – объединяли обе эти трактовки⁶. Однако придавать какое-либо решающее значение праву или обязанности не имеет особого смысла, т.к. это приводит к идентичным дефинициям из-за того, в правоотношении правам всегда корреспондируют

⁴ Голевинский, В. И. О происхождении и делении обязательств / В. И. Голевинский // – Варшава : типография Осина Бергера, 1872. – С. 1.

⁵ Мейер, Д. И. Русское гражданское право Ч. 2. / Д. И. Мейер // – М. : Статут, 1998. – С. 106.

⁶ Рузанова, Е. В. Гражданско-правовые обязательства: понятие и классификационные критерии / Е. В. Рузанова // Юридический вестник СамГУ. – Самара, 2015. – Т. 1, № 4 – С. 59.

сопутствующие им обязанности, права и обязанности всегда взаимообусловлены друг другом и не могут быть реализованы друг без друга.

В советский период времени отечественные авторы стали подстраивать термин обязательство под быстроменяющиеся экономические и политические условия, пытаясь выявить его экономическую сущность данного правоотношения.

С. И. Вильнянский писал – «обязательство – это гражданское правоотношение, которое является юридическим выражением отношений обмена»⁷. Однако данное понятие было довольно неточным, т.к. «в безвозмездных обязательствах (например, дарении) ничего не обменивают, тогда как в обязательствах компенсационных (например, деликтных) материальные потери возмещают, но отнюдь не меняют на имущественное возмещение»⁸.

О. С. Иоффе, развивая данную концепцию, разработал следующее понятие обязательства, которое стало основным в советское время. «Обязательство есть закрепленное гражданским законом общественное отношение по перемещению имущества и иных результатов труда, в силу которого одно лицо (кредитор) вправе требовать от другого лица (должника) совершения определенных действий и обусловленного этим воздержания от совершения определенных других действий»⁹.

Современное же легальное понятие обязательства содержится в статье 307 ГК РФ, так в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.

⁷ Попондопуло, В. Ф. Указ. Соч. – С. 9.

⁸ Иоффе, О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР Ч. 2. / О. С. Иоффе // – Л. : изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – С. 74

⁹ Иоффе, О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе // – М. : Юрид. лит., 1975. – С. 3

Пункт 3 данной статьи расширяет привычное содержание обязательства как обязанность сделать какое-то действие или воздержаться от совершения действия, указывая, что при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

Таким образом, современное определение обязательств по своему объему гораздо больше, чем в прошлом. Оно включает в себя как совершение определенного действия или наоборот бездействия, обязывает стороны поступать добросовестно, учитывать права и законные интересы друг друга.

Признаки обязательства.

Обязательно – это особое, т.е. отличное от других правоотношение, а, следовательно, обязательства обладают рядом специфических признаков, позволяющих отграничивать обязательственные отношения от иных гражданско-правовых правоотношений. Таким признаками являются:

1) Относительный характер правоотношения. Данный признак отграничивает обязательства от абсолютных правоотношений, в частности от вещных правоотношений и означает, что, в отличие от вещного правоотношения, здесь «нет вещи, на которую субъект права имел бы исключительное право; нет всеобщей обязанности не стеснять субъекта права; правовое отношения, которое в случае вещного права, существовало относительно и против всех, здесь существует только против одного лица, должника. Следовательно, здесь нет и права следования и права преимущества»¹⁰.

Так же в отличие от абсолютного права, в котором круг субъектов не определен, т.е. всякое и каждое лицо должно воздерживаться от нарушения такого права, то в обязательственном правоотношении стороны, несущие на

¹⁰ Годэмэ, Е. Общая теория обязательств / Е. Годэмэ // – М. : юридическое издательство министерства юстиции СССР, 1948. – С. 15.

себе обязанности, всегда четко определены. Это в свою очередь означает, что и нарушить обязательство могут далеко не все люди (как в вещном праве), а лишь те, кто являются стороной обязательства.

«В правах абсолютных обязанности пассивных субъектов отрицательного свойства: они принуждают к воздержанию от пользования вещами, которые принадлежат другим лицам... Абсолютные права выражаются, таким образом в форме запрещений. Напротив, в правах относительных обязанность пассивных субъектов имеет в большинстве случаев положительный характер: они принуждаются сделать что-нибудь в интересе активных субъектов»¹¹. Это означает, что в обязательственных правоотношениях реализация субъектного права возможна только при совершении обязанным лицом действий, составляющим его обязанность¹².

Что касается установлению прав, то «права абсолютные устанавливаются независимо от воли пассивных субъектов... Напротив, обязательственное право не может возникнуть без прямо или косвенно выраженной воли пассивных субъектов»¹³.

2) Экономическая сущность обязательства заключается в том, обязательство опосредует процесс перемещения имущества или результатов труда, носящих имущественный характер¹⁴. Обязательства возникли именно из-за развития экономических, рыночных отношений между людьми. Так, «свобода распоряжения своим имуществом, стоимость которого, как правило, ни для гражданина, ни для организации законом не ограничена, в сочетании с заинтересованностью в максимально выгодном использовании имущества привели к появлению в гражданском обороте правовых институтов, неизвестных действовавшему ранее законодательству»¹⁵.

¹¹ Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г) / Г. Ф. Шершеневич // – М. : Фирма «СПАРК», 1995. – С. 140.

¹²Корнилова, Н. В. О признаках обязательства / Н. В. Корнилова // Sciences of Europe. – 2017. – №13 – С. 24.

¹³ Шершеневич, Г. Ф. Указ. соч. – С. 140.

¹⁴ Корнилова, Н. В. Понятие «обязательство» в доктрине и законодательстве. – С. 59.

¹⁵ Квициния, Н. В. Указ. соч. – С. 190.

С учетом экономической природы обязательств можно говорить и о таком их признаке как имущественный характер.

Некоторые авторы указывают на возможность существования обязательств неимущественного характера. Так, Н.Д. Егоров считает неимущественным обязательством «обязательство, вытекающее из договора автора с критиком о написании последним рецензии на сочинение автора»¹⁶.

Однако, данный пример не является корректным, т.к. «здесь нет обязательства, поскольку обязанность критика не обеспечена возможностью ее принудительного исполнения и автор не может требовать ее исполнения»¹⁷. Поэтому, неимущественные обязательства, не обеспеченные санкцией за их неисполнение, не могут признаваться обязательством в гражданско-правовом смысле, т.к. их исполнение не носит обязательный характер для должника. Поэтому, можно сделать вывод о том, что обязательство всегда должно обеспечено санкцией, в ином же случае исчезает смысл обязательства как правоотношения, т.к. их попросту не будет исполнять.

И. Б. Новицкий «в качестве примера обязательства неимущественного характера рассматривает обязательство адвоката бесплатно провести защиту, исполнение которого может быть обеспечено соглашением о неустойке»¹⁸. Здесь мы видим, что такое обязательство уже носит обязательный для должника характер, если он не хочет наступления для него неблагоприятных последствий. Однако, наличие гражданско-правовой санкции уже превращает обязательство в имущественное.

Таким образом, обязательство всегда носит имущественный характер, а «неимущественные обязательства, не являются гражданско-правовыми и не могут быть предметом гражданского иска, разве что она будут

¹⁶ Попондопуло, В. Ф. Указ. Соч. – С.17.

¹⁷ Там же. – С.17.

¹⁸ Корнилова, Н. В. О признаках обязательства. – С. 22.

сопровождаться санкцией на случай неисполнения. Но тогда эти обязательства становятся имущественными»¹⁹.

Основания возникновения обязательств.

Обязательства, как и любые другие правоотношения возникают при наступлении определенных юридически значимых фактов. Данные юридические факты называются основаниями возникновения правоотношения (в нашем случае обязательственного).

Римскому праву первоначально были известны две категории актов, устанавливающих обязательства: договоры и деликты. Наряду с этими двумя категориями, другие факты порождают обязательства, но не подходят под эти два определения. По словам Годэмэ, «римские юристы, не будучи в состоянии дать определение этих источников... но заметив, что обязательства, возникающие из них, с точки зрения их действия, были похожи или на обязательства из договора или на обязательства из деликта... кончили признанием двух новых категорий источников обязательств: квази-контрактов и квази-деликтов»²⁰. Позже Э. Потье заимствовал данную классификацию и присоединил к ней пятый источник – закон... Таким образом в конце XVIII века установилась классификация источников обязательств на пять категорий²¹.

В разные периоды истории источники возникновения обязательств изменялись, вводились новые, а старые исчезали. Так статья 158 ГК РСФСР 1964 г. в качестве оснований возникновения обязательств на ряду с привычными договорными, кондиционными и обязательствами, вытекающими из причинения вреда называла, в частности, «административные акты, включая акты планирования..., предусмотренные законом действия (например, по спасению социалистического имущества»²².

¹⁹ Попондопуло, В. Ф. Указ. Соч. – С. 17.

²⁰ Годэмэ, Е. Указ. Соч. – С. 28.

²¹ Там же. – С. 29.

²² Иоффе, О. С. Обязательственное право. – С. 9.

Данные основами были необходимы при социалистической модели устройства государства и отражали специфику плановой экономики, поэтому, неудивительно то, что при переходе на рыночную экономику они перестали быть необходимыми и во в новь принятом Гражданском Кодексе РФ 1994 года данные основания не были отражены.

Сейчас же, в соответствии с п. 2 ст. 307 ГК РФ, основаниями возникновения обязательств являются:

а) договоры и другие сделки. Среди договоров выделяются двусторонние сделки, которые занимают наибольшее количество об общего числа сделок (договор купли-продажи, контрактации, мены, аренды, финансовой аренды и др.) и многосторонние сделки (например, простое товарищество ст. 1041 ГК РФ). Гражданский Кодекс предусматривает, что обязательства могут возникать и из односторонних сделок, например, из публичного обещания награды (Гл. 56 ГК РФ)

б) причинение вреда (Гл. 59 ГК РФ)

в) неосновательное обогащение (Гл. 60 ГК РФ)

г) иные основания, предусмотренные в ГК РФ. Данные основания перечислены ст. 8 ГК РФ ими, в частности, являются: решения собраний (например, решения долевых собственников, в том числе решения собственников помещений в многоквартирном доме), акты органов публичной власти (акт об изъятии земельного участка для государственных нужд), судебные решения (решение суда о выведении из занимаемого помещения без предоставления жилья), юридически значимые действия (находка) и события (наступление страхового случая).

Однако, здесь так же необходимо вспомнить положения п. 3 данной статьи в той части, что стороны должны вести себя добросовестно и учитывать права и законные интересы друг друга уже при установлении обязательств. Это означает, что некоторые обязательства могут возлагаться на стороны уже на стадии переговоров о заключении договора и других

схожих контактов сторон, что расширяет список оснований возникновения обязательств. Законодатель, указывая на это, опирается на опыт немецкого гражданского права. Германское гражданское уложение в 241 параграфе в качестве оснований возникновения обязательств указывает вступление в переговоры о заключении договора и тому подобные деловые контакты.

1.2. Заключение договора: соотношение принципов свободы договора и добросовестного поведения на преддоговорном этапе отношений

Порядок заключения договора.

Договор, в строгом смысле слова, есть ни что иное как добровольное соглашение, по которому стороны, взаимно, или же одна сторона по отношению к другой, обязываются к определенному действию. Договор представляет собой юридический факт, основанный на волеизъявлении сторон такого соглашения, в силу чего он устанавливает между сторонами правовую связь, в силу которой между ними возникают, изменяются или прекращаются права и обязанности.

В классической теории порядок заключения договора рассматривается исходя из принципа автономии воли или применительно к договорному праву – принципу свободы договора.

Поэтому, «в каждом договоре необходимы два решительных проявления воли сторон»²³, а именно: предложение одной стороны заключить договор (оферта) и принятие данного предложения контрагентом (акцепт). Соответственно, общий порядок заключения договора включает два этапа:

1) Первый этап – это направление оферты. Направляя оферту, сторона тем самым выражает волю на заключение договора. При этом «процесс

²³ Голевинский, В. И. Указ. Соч. – С. 38.

формирования данной воли не имеет значения, важен лишь факт появления окончательно сформировавшегося намерения стороны заключить договор. Именно данный критерий позволяет разграничить предложение провести переговоры с целью оценить возможности заключения договора, предложение сделать оферту, запрос об оферте и непосредственно оферту»²⁴.

В соответствии со статьей 437 ГК РФ предложение о заключении договора будет считаться офертой в случае, если оно соответствует нескольким условиям:

- предложение обращено к одному или нескольким лицам;
- предложение должно быть определенным; при этом ст. 435 ГК РФ указывает на то, что оферта считается определенной, если содержит существенные условия договора;
- предложение должно выражать намерение оферента заключить договор. Такое предложение может быть выражено как прямо, так и косвенно вытекать из условий предложения, в данном случае «необходимо обратить внимание на определенность условий оферты... так как предложение, устанавливающее все детали предлагаемой сделки, с большей вероятностью можно рассматривать как проявление желания направившего его лица заключить договор»²⁵.

2) Акцепт оферты. Это вторая стадия заключения договора. Под акцептом традиционно понимается положительный ответ на предложение заключить договор на предложенных условиях, выраженный в оправленной форме. Классической формой акцепта «является подписание договора или направление письма, свидетельствующего о согласии заключить договор на предложенных условиях»²⁶. Однако, сейчас есть и иные формы акцепта, позволяющие выявить действительную волю стороны на принятие условий и

²⁴Кучер, А. Н. Оферта как стадия заключения предпринимательского договора / А. Н. Кучер // Законодательство. – М., 2001. – № 5. – С. 44.

²⁵ Там же. – С. 45.

²⁶ Кучер, А. Н. Акцепт как стадия заключения предпринимательского договора / А. Н. Кучер // Законодательство. – М., 2001. – № 7. – С. 36.

заключение договора. К таким формам относятся: акцепт молчанием и акцепт действием.

Гражданский кодекс РФ в ст. 438 содержит указание на то, что акцепт должен быть полным и безоговорочным, т.е. в данной статье содержится правило «зеркального соответствия». При этом ответ о согласии заключить договор на иных условиях, чем предложено в оферте не признается акцептом. Такой ответ «будет представлять собой контрферту (естественно, если он отвечает всем требованиям, предъявляемым к оферте)»²⁷.

Таким образом, общий порядок заключения договора – это процедура согласования воли обеих сторон, которая выглядит довольно просто – одна сторона направляет оферту, другая же ее принимает, т.е. акцептирует такое предложение, после чего договор будет считаться заключенным.

Однако, в настоящее время в связи с ускоренным развитием международного коммерческого оборота, укрупнением торговых и предпринимательских связей и контактов, распространением крупных фирм, увеличением числа заключаемых внешнеэкономических сделок усложняется как процесс заключения договоров, так и процесс взаимоотношения сторон, все шире распространяется практика ведения переговоров по согласованию будущих условий заключаемого договора²⁸. Поэтому классический порядок заключения договора применяется все реже. В ходе переговоров по некоторым сделкам часто не применяются оферты или контрферты, которые могла бы акцептировать одна из сторон, а происходит «постепенный процесс, в ходе которого стороны достигают договоренности поэтапно...»²⁹.

Поэтому все чаще авторы (например, В. В. Витрянский, В. Г. Вердиков, В. И. Скарго) выделяют преддоговорные контакты сторон как

²⁷ Кучер, А. Н. Акцепт как стадия заключения предпринимательского договора. – С. 41.

²⁸ Степанищева, А. М. Принцип добросовестного ведения переговоров о заключении международных коммерческих сделок: проблемы правового регулирования / А. М. Степанищева // Законодательство и экономика. – М., 2013. – № 10. – С. 67.

²⁹ Кучер, А. Н. Ответственность за недобросовестное поведение при заключении договора / А. Н. Кучер // Законодательство. – М., 2002 – № 10. – С. 17.

самостоятельную и начальную стадию заключения договора, которая имеет факультативный характер, т.е. может не применяться сторонами.

Преддоговорной этап - это достаточно долгий, трудоёмкий и ресурсозатратный процесс, в который стороны вступают по своей воле для того, чтобы в дальнейшем получить выгоду путем заключения для удачного для себя договора. Выглядит очевидно, что стороны в ходе таких переговоров должны уважать интересы контрагента, способствовать заключению договора и не уклоняться от его заключения, т.е. действовать добросовестно. Поэтому, в случае, когда усилия сторон не привели к заключению договора не потому, что контрагенты по объективным причинам не достигли соглашения относительно предмета договора, а в результате недолжного поведения одной из сторон в ходе преддоговорного процесса или же когда заключенный договор признается недействительным в результате пороков преддоговорного процесса, возникает вопрос о преддоговорной ответственности виновной стороны³⁰.

Принципы свободы договора и добросовестности на преддоговорном этапе заключения договора: соотношение

Итак, выше мы уже упоминали принцип свободы договора в смысле детерминации им порядка заключения договора. Но следует указать, что данный принцип в своем действии не ограничивается рамками «классической модели» заключения договора, описанной выше. Он так же распространяет свое действие на преддоговорные отношения сторон.

Здесь необходимо сделать ремарку о том, что в науке гражданского права стали высказываться мнения, что переговоры - это самостоятельный способ заключения договора (А.Н. Кучер), в отличие от распространенного подхода об их опосредующей роли, если рассматривать их как факультативную стадию заключения договора, которая предшествует оферте

³⁰ Кучер, А. Н. Ответственность за недобросовестное поведение при заключении. – С. 17.

и акцепту (Е.А. Суханов)³¹. Однако, указанные подходы к понятию преддоговорной стадии в ходе заключения договора не отменяют тот факт, что принцип свободы договора распространяется и на него. Вне зависимости от того, будет ли преддоговорная стадия рассматриваться как факультативная стадия заключения договора, к которой стороны не будут прибегать, или же это самостоятельный, альтернативный порядок заключения договора, принцип свободы договора будет распространяться и на неё, т.к. задачей преддоговорной стадии в целом является установление определенного сотрудничества между сторонами с целью заключения договора в дальнейшем.

Принцип свободы договора закреплен в статье 421 ГК РФ и представляет собой «прямо закрепленное в законе основное начало гражданского права, устанавливающее для субъектов договорных отношений свободу заключения договора, свободы выбора вида заключаемого договора, свободу в определении его условий»³².

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ расширяет действие данного принципа на стадию исполнения и прекращения договора, указывая, что «ст. 450 ГК РФ, предоставляя сторонам возможность в договорном порядке самостоятельно определить основания, при которых возможны изменение или расторжение договора... сама по себе направлена на реализацию гражданского правового принципа свободы договора...»³³.

Таким образом, данный принцип устанавливает возможность для сторон договора «по своему усмотрению:

а) определять, заключать или не заключать договор (свобода заключения договора);

³¹ Степанищева, А. М. Указ. Соч. – С. 67.

³² Хужокова, Д. Б. Принцип свободы договора в гражданском праве Российской Федерации и его ограничение / Д. Б. Хужокова // Science Time. – 2015. – № 6. – С. 568.

³³ Определение Конституционного Суда РФ от 24.05.2005 № 170 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Свободного профсоюза работников МП «Медавтотранс» на нарушение конституционных прав и свобод п. 1 ст. 450 ГК РФ» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

б) определять, с кем заключать договор (свобода выбора контрагента договора);

в) определять, где заключать договор (свобода выбора места заключения договора);

г) определять, когда заключать договор (свобода времени заключения договора);

д) определять форму заключаемого договора (свобода выбора формы договора);

е) определять вид заключаемого договора (свобода выбора вида договора);

ж) определять содержание (условия) заключаемого договора, включая возможность изменять и отменять условия договора (свобода определения условий договора);

з) расторгать договор, иным образом прекращать действие договора т.е. выходить из договорных отношений (свобода расторжения договора)³⁴.

Все вышеуказанные права в их совокупности необходимы участникам гражданского оборота для того, чтобы «реализовать свою имущественную самостоятельность и экономическую независимость, конкурировать на равных с другими участниками рынка товаров, работ и услуг³⁵. Однако, именно вследствие реализации указанных свобод, возникают источники многих злоупотреблений в гражданских правоотношениях, о чем свидетельствует обширная судебная практика³⁶.

Безусловно, в силу принципа свободы договора стороны самостоятельно несут риск того, что переговоры не окончатся заключением договора. Однако, «безграничная свобода может привести к отсутствию порядка в договорной деятельности, что отрицательно скажется на

³⁴ Рогова, Ю. В. Договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота / Ю. В. Рогова // – М. : Статут, 2015. – С. 59.

³⁵ Хужокова, Д. Б. Указ. Соч. – С. 569.

³⁶ Иванова, Ю. А., Меняйло, Л. Н., Федулов В. И. Принцип свободы договора в гражданском праве // Ю. А. Иванова, Л. Н. Меняйло, В. И. Федулов // Вестник Московского университета МВД России. – М., 2018. – №5. – С. 70.

эффективности договорных отношений. Поэтому принцип свободы заключения договора должен находиться в определенных законодательных рамках, сочетая в себе как свободу субъектов, так и пределы осуществления субъективных прав»³⁷.

Одним из ограничений принципа свободы договора на преддоговорном этапе выступает принцип добросовестности. Данный принцип закреплен в ряде статей ГК РФ.

Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ были внесены изменения в ст. 1 ГК РФ (действуют с 01.03.2013), в том числе обязывающие участников гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей должны действовать добросовестно, при этом никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Пункт 1 статьи 10 ГК РФ указывает, что не допускается при осуществлении гражданских прав заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Однако, как справедливо указал К. В. Нам, «значение и функции принципа добросовестности заключаются в приведении в соответствие формального субъективного права в соответствии с целями правового регулирования, в приведении буквы закона в соответствие с его духом. С этой точки зрения ни умысел, ни даже неосторожность не играют определяющей роли. Задачами применения принципа добросовестности не являются лишь наказание недобросовестного лица. С точки зрения доктрины принципа добросовестности злоупотреблением правом считается всякое недобросовестное поведение, т.е. такое, которое не соответствует принципу добросовестности»³⁸. Из чего следует, что «указание в п. 1 ст. 10 ГК РФ на недопущение лишь заведомо умышленного недобросовестного поведения противоречит принципу добросовестности, т.к. допускает иное, т.е. не

³⁷ Тельгарин, Р. О свободе заключения гражданско-правовых договоров в сфере предпринимательства / Р. Тельгарин // Российская юстиция. – М., 1997. – № 10. – С. 13.

³⁸ Нам, К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики / К. В. Нам // – М.: Статут, 2019. – С. 145.

умышленно недобросовестное поведение»³⁹, что выглядит по крайней мере странно, из-за того, что такое положение противоречит самому принципу добросовестности.

Другими основополагающими нормами, устанавливающие необходимость добросовестного поведения на преддоговорном этапе заключения договора, являются ст. 307 и ст. 434.1. ГК РФ.

В юридической литературе считается, что преддоговорные отношения и преддоговорная ответственность в ГК закреплены в ст. 434.1. Поэтому господствует мнение о том, что именно данная статья и «является правовой основой для определения того, какие обязанности несут стороны на преддоговорной стадии и, соответственно, за нарушение каких обязанностей следует преддоговорная ответственность»⁴⁰.

Верховный суд РФ при определении границ правового регулирования преддоговорной ответственности не уходит дальше ст. 434.1. Указывая в п. 19 своего Постановления № 7 от 24. 03. 2016 года, что к отношениям, связанным с причинением вреда недобросовестным поведением при проведении переговоров, применяются нормы главы 59 ГК РФ с исключениями, установленными статьей 434.1 ГК РФ⁴¹.

Однако, нам нужно учитывать тот факт, что ведение переговоров — это есть ни что иное, как гражданское правоотношение, возникающее между сторонами для установления между ними обязательства в будущем. Об обязанностях контрагентов при установлении обязательства прямо говорит п. 3 ст. 307 ГК РФ. По словам К. Нама, «при системном подходе... именно п. 3 ст. 307 ГК РФ должен являться основой для определения содержания

³⁹ Нам, К. В. Указ. Соч. – С. 146.

⁴⁰ Там. же. – С. 149

⁴¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 07.02.2017) "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств" [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

преддоговорных отношений, т.к. там заложена та правовая идея, которая проявляется в ст. 434.1. ГК РФ»⁴².

В соответствии с п. 3 ст. 307 ГК РФ, при установлении обязательства стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию. Как мы видим формулировка данной статьи довольно абстрактна и широка по своему содержанию. Из этого можно сделать вывод о том, что не все варианты недобросовестного поведения на преддоговорном этапе охватываются статьями 434.1. и 341.2. ГК РФ. То недобросовестное поведение, что не входит в указанные статьи должно считаться нарушением положения п. 3 ст. 307 ГК РФ.

Таким образом, общей нормой, устанавливающей преддоговорную ответственность за нарушение обязанности добросовестного поведения на преддоговорной стадии заключения договора, выступает п. 3 ст. 307 ГК РФ. Статья же 434.1, а также статья 431.2 ГК РФ выступают как специальные нормы, конкретизирующие отдельные виды недобросовестного поведения и устанавливая конкретную ответственность за них.

Распространяя свое действие на преддоговорную стадию, принцип добросовестности возлагает на контрагентов обязанности вести себя таким образом, чтобы соблюдать права и законные интересы друг друга, следовательно, он устанавливает обязанности по совершению или не совершению тех или иных действий на преддоговорной стадии контрагентами.

Такие обязательства (о них речь пойдет ниже) выражают следующую мысль о том, что «каждая сторона должна учитывать права и интересы другой стороны. Данное главное правило принципа добросовестности может

⁴² Нам, К. В. Указ. Соч. – С. 149.

являться основанием для ограничения прав в определенных случаях так называемого противоречивого поведения»⁴³.

Именно поэтому, когда принцип свободы договора предоставляет право выбора любого контрагента, а также право заключать или не заключать договор, принцип добросовестности ограничивает их, указывая что, реализуя данные права лицо, должно действовать добросовестно и учитывать интересы другой стороны, которая рассчитывает на заключение договора. Именно данным образом, реализуется ограничительная функция принципа добросовестности. «Если осуществление того или иного субъективного права формально соответствует имеющемуся законодательному регулированию. Но при этом противоречит принципу добросовестности, то оно подлежит ограничению»⁴⁴.

Данное утверждение находит свое подтверждение в российской судебной практике (в качестве конкретных примеров можно указать следующие судебные акты: Определение Верховного суда от 20 декабря 2019 г. № 305-ЭС19-19395; Определение Верховного суда от 29 января 2020 г. № 305-ЭС19-19395; Постановление Десятого Арбитражного суда № А41-90214/16 от 19.09.2017)⁴⁵.

Как справедливо указал Верховный Суд РФ, единственное, что позволяет стороне выйти из переговоров (прекратить переговоры) без возмещения убытков, - это добросовестное поведение этой стороны⁴⁶. При этом решающим фактором при определении того был ли выход из переговоров недобросовестным судебная практика делает факт наличия у контрагента уверенности в том, что такой договор будет заключен, при таких обстоятельствах, при которых он не может разумно ожидать прекращения

⁴³ Нам, К. В. Указ. Соч. – С. 142.

⁴⁴ Там же. – С.141.

⁴⁵ Данные решения будут подробно рассмотрены в п. 2.2. данной работы. Для данного пункта важен вывод о пределах свободы договора при переговорах о заключении договора, содержащийся в данных судебных актах.

⁴⁶ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20. 12. 2019 г. № 305-ЭС19-19395 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

переговоров и не заключение в последующем договора, т.е. необходимо установить факт того, что стороны своими действиями вызвали у своего контрагента устойчивое представление о том, что договор будет заключен, при этом не особо важна стадии ведения переговоров⁴⁷.

Если такое представление у контрагента сложилось, то уже нельзя без достаточных на то оснований прервать переговоры о заключении договора, или же просто отказаться его заключать после проведения таких переговоров. Это один из наглядных примеров того, как принцип добросовестности и вытекающие из него обязанности по добросовестному поведению очерчивают пределы осуществления свободы (усмотрения) стороны в решении вопроса «о заключении договора или отказе от заключения договора, решении вопроса о продолжении переговоров или выходе из переговоров, что в свою очередь является неотъемлемой частью принципа свободы договора»⁴⁸.

1.3. Преддоговорные обязательства: понятие, виды (предоставление информации, уважение интересов контрагента и пр.)

Стороны, участвуя в переговорах о заключении договора (т.е. устанавливая между собой правоотношение), имеют определенные права и интересы, реализуя которые они достигают определенной цели (заключение договора и последующее получение выгоды из этого). Однако достижение этой цели не всегда возможно лишь путем исполнения обязанностей, вытекающих из основного правоотношения, в целом все поведение контрагентов должно носить добросовестный характер (должны быть учтены права и интересы сторон, должна быть предоставлена необходимая

⁴⁷ Определение от 29 января 2020 г. № 305-ЭС19-19395 Верховного суда Российской Федерации [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

⁴⁸ Аюшеева, И. З. Преддоговорная ответственность: новеллы гражданского законодательства и судебной практики / И. З. Аюшеева // Lex Russica. – 2017. – № 5. – С. 137.

информация и т.д.). «Обеспечение такого правильного с точки зрения права поведения обеспечивается посредством обоснования наличия дополнительных обязанностей, которые правом же и легитимируются. Принцип добросовестности здесь как бы расширяет содержание обязательства путем обоснования наличия иных обязанностей, помимо основных»⁴⁹.

Таким образом, принцип добросовестности устанавливает ряд обязанностей, носящих дополнительный характер по отношению к основным обязательствам, возникающим из основного правоотношения (даже если оно еще не возникло), но выполнение которых для сторон является тем самым добросовестным поведением, к которому они и должны стремиться.

Возможность существования дополнительных обязанностей даже в случаях, когда основное обязательство еще не возникло обосновано тем, что «суть преддоговорных правоотношений сторон заключается именно в возможном установлении между ними такого основного обязательства, и квазидополнительность обязанностей в этих отношениях все равно связана с возможным и желаемым в будущем обязательством»⁵⁰. Однако, такие обязательства все равно не являются для сторон предметом преддоговорных отношений, не являются их целью. Они лишь призваны «обслуживать» такие переговоры в целях соблюдения принципа добросовестности.

Итак, стороны при фактическом вступлении в переговоры по заключению договора обязаны действовать в соответствии с принципом добросовестности. Действуя таким образом, они обязуются выполнять определенные действия по учету интересов и взаимному соблюдению прав друг друга. «Возможность такой правовой защиты обосновывается тем, что при вступлении в преддоговорные отношения или иные деловые контакты между сторонами образуется определённое правовое отношение, из которого

⁴⁹ Нам, К. В. Указ. Соч. – С. 140.

⁵⁰ Нам, К. В. Развитие принципа добросовестности. Современный этап / К. В. Нам // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – М., 2018. – № 7. – С. 95.

еще не вытекает основные права и обязанности, но которое порождает обязанности вести себя определенным образом, например, обязанности повышенной осмотрительности и учета прав и интересов другой стороны»⁵¹.

Такие обязательства называются преддоговорными. Нарушение таких обязанностей влечет ответственность допустившего это лица, как и при нарушении обязанностей, вытекающих из договора.

Преддоговорные обязательства имеют отличную от обязательств договорных природу, поэтому они имеют ряд отличий. Существенными отличиями от договорных обязательств немецкая правовая доктрина называет следующее:

1) обязанности, возникающие в преддоговорных отношениях, не основываются на будущем договоре, а возникают независимо от того, будет ли он заключен;

2) вступление в переговоры или иные контакты порождает специальное правовое отношение без наличия основных прав и обязанностей, но охватывающее охранительные обязанности и обязанности по информированию другой стороны и неразглашению информации»⁵².

Однако, несмотря на отличия от договорных обязательств, как и для любого другого (в том числе и договорного) правоотношения для возникновения преддоговорных обязательств нужны определенные основания:

1) Фактическое основание возникновения преддоговорных обязательств, как указывалось выше, не связано с фактом заключения договора. Это положение напрямую указано в законе. Так п. 7 ст 434.1. ГК РФ говорит о том, что положения данной статьи применяются независимо от того, был ли заключен сторонами договор по результатам переговоров. Поэтому фактическим основанием следует признать факт вступления сторон

⁵¹ Нам, К. В. Развитие принципа добросовестности. Современный этап. – С. 96.

⁵² Там же. – С. 95.

в переговоры по заключению договора. Эта позиция является превалирующей в науке гражданского права.

Так, К. В. Гнищевич считает, что "переговоры имеют самостоятельное юридическое значение и могут выступать непосредственным основанием для возникающих на этом этапе отношений прав и обязанностей". По мнению К. Н. Овчинниковой, уже "при вступлении в переговоры по поводу заключения договора стороны связывает подобное договорному обязательство, основанное на отношениях доверия (Vertrauensverhältnis) и налагающее на них обязанность соблюдать интересы торгового партнера (Sorgfaltspflichten)". Как полагают З. Кетц и Ф. Лорман, "вступление в переговоры является специальным юридическим фактом, в результате которого между сторонами возникает связь особого рода - доверительное отношение, требующее от них проявления взаимной добропорядочности"⁵³.

2) Юридическое основание – это закрепленная в Законе норма, устанавливающая данные обязанности. Так, в соответствии со статьей 8 ГК РФ гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами. Преддоговорные правоотношения являются прямым следствием установления в гражданском праве России принципа добросовестного поведения при проведении переговоров. В ГК РФ, как было указано в прошлом параграфе, основной нормой, содержащей указанное требование, является п. 3 ст. 307, который устанавливает, что при установлении... обязательства... стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию. Поэтому, п. 3 ст. 307 ГК РФ и специальные нормы, основанные на данной статье (ст. 434.1. и ст. 431.2. ГК и др.) и будет выступать юридическим основанием возникновения преддоговорных обязательств.

⁵³ Степанищева, А. М. Указ. Соч. – С. 68.

Довольно интересным вопросом, возникающим из содержания п. 3 ст. 307 ГК РФ, является вопрос о правовой природе источника происхождения преддоговорных обязанностей. Так, анализ правовой литературы показывает, что весьма распространенной здесь является точка зрения, согласно которой «данные обязанности в силу п. 3 ст. 307 ГК РФ вытекают из принципа добросовестности, закреплённого в этой же норме. Но, существует и мнение, согласно которому обязанности учитывать права и интересы другой стороны являются специфическим видом обязанностей, закреплённых в норме п. 3 ст. 307 ГК РФ»⁵⁴. При этом, содержание данной нормы не даёт конкретного ответа на данный вопрос, однако, и не исключает два приведенных выше варианта. К. В. Нам, рассматривая данный вопрос, указывал, что он «не должен иметь принципиального значения. Историческое и системное изучение принципа добросовестности даёт понимание, что именно этот принцип и стал той правовой материей, из которой и вышли, были развиты, сформулированы данные обязанности»⁵⁵.

Однако, такие обязанности могут возникать из соглашения о ведении переговоров. Данное положение закреплено в п. 5 ст. 434.1. ГК РФ, согласно которому смогут заключить соглашение о порядке ведения переговоров. Такое соглашение может конкретизировать требования к добросовестному ведению переговоров, устанавливать порядок распределения расходов на ведение переговоров и иные подобные права, и обязанности. В таком случае, обязанности, вытекающие из добросовестного поведения, становятся договорными, однако не утрачивают свой дополнительный характер, т.к. они не являются самоцелью при заключении такого соглашения, они лишь призваны обеспечить надлежащий порядок проведения переговоров в целях их успешного окончания и заключения основного договора, который и является для сторон основной целью.

⁵⁴ Нам, К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. – С. 146.

⁵⁵ Там же. – С. 147.

Так же перед тем, как дать определение понятию преддоговорных обязанностей, следует указать, что нарушение таких обязанностей влечет за собой право лица, чьи права были нарушены таким неисполнением, взыскать с нарушившего их лица убытки. При этом «потерпевший должен быть поставлен в такое положение, какое было бы, если другая сторона не нарушила свои обязанности в преддоговорном правоотношении»⁵⁶. Например, при необоснованном отказе в заключении договора, сторона, что полагала, что договор с большой вероятностью будет заключен, вправе взыскать напрасно понесенные убытки, связанные с подготовкой к заключению такого договора.

Таким образом, преддоговорные обязанности можно определить, как *возникающие в связи с вступлением сторон в переговоры по заключению договора, основанные и вытекающие из принципа добросовестности охранительные обязанности и обязанности лояльности, носящие дополнительный характер, которые контрагенты должны исполнять при проведении переговоров, в целях учета законных интересов и соблюдения прав друг друга, несоблюдение которых влечет наступление мер гражданско-правовой ответственности.*

Виды преддоговорных обязанностей.

Различные авторы, перечисляя обязанности по добросовестному поведению на этапе переговоров по заключению договоров, указывают на их разнообразный характер. Из-за чего ими выделяются разные виды преддоговорных обязанностей.

Ф. Бенатти указывает, что требование вести себя добросовестно включает в себя, в частности, информационную обязанность, обязанность хранить тайну переговоров и необходимость охранять интересы контрагента»⁵⁷.

⁵⁶ Нам, К. В. Развитие принципа добросовестности. Современный этап. – С. 97.

⁵⁷ Степанищева, А. М. Указ. Соч. – С. 70.

«По мнению А. Лиси, типичными обязанностями, вытекающими из принципа добросовестного поведения во время переговоров, являются:

- информационная обязанность, которую можно определить, как обязанность сообщить всю существенную информацию, касающуюся заключаемого соглашения;
- требование ясности, т.е. обязанность выражаться так, чтобы быть понятным контрагентом;
- обязанность охранять тайну переговоров и принимать в соответствии с этим меры предосторожности;
- обязанность совершить все необходимые действия для достижения заключения действительного договора, что предполагает, в частности, получение контрагентом всех необходимых разрешений и лицензий, без которых заключение контракта невозможно»⁵⁸.

О. В. Мазур выделяет следующие основные группы обязанностей:

- «1) последовательное поведение, не вводящее в заблуждение другого участника переговоров (duty of consistency);
- 2) предоставление (раскрытие) информации (duty of transparency или duty of disclosure)»⁵⁹.

Под первой группой обязанностей следует понимать закрепленные в ст. 434.1. ГК РФ положения о недопущении вступления в переговоры о заключении договора или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной, а также запрет на внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора.

Вторая же группа обязанностей состоит в предоставлении полной и достоверной информации о всех важных для сторон обстоятельствах, от которых зависит заключение или не заключение договора, а также содержание такого договора.

⁵⁸ Степанищева, А. М. Указ. Соч. – С. 70.

⁵⁹ Мазур, О. В. Указ. Соч. – С. 199.

К. В. Нам называет следующие обязанности: «обязанности по информированию, разъяснению, консультированию, предоставлению отчета, а также по заботе, охране, учету в отношении имущества прав и интересов другой стороны, обязанности по содействию другой стороне, воздержанию от определенных действий»⁶⁰.

В целом данный автор делит все преддоговорные обязанности на охранительные обязанности и обязанности по лояльности.

Под охранительными обязанностями он понимает обязанности, возникающие из-за того, что между сторонами в процессе переговоров возникает более тесная связь, налаживаются деловые связи и контакты. В результате стороны могут попадать в зону ответственности друг друга. «Это проявляется в том, что одна сторона может влиять на имущество или здоровье другой стороны»⁶¹. К данному виду обязанностей можно отнести обязанность по информированию о недостатках предмета будущего договора, которые могут повлечь причинение вреда жизни и здоровью, имуществу другой стороны, обязанности по уважении прав и законных интересов контрагента (недопущение произвольного прекращения переговоров и т.п.)

Обязанности же по лояльности указывают «в первую очередь на необходимость сообщения сторонами друг другу всех обстоятельств, имеющих существенное значение для будущего договора, принятия решение о его заключении или не заключении»⁶². К такому виду обязанностей, например, можно отнести обязанность по разъяснению контрагентом имеющих большое значение обстоятельств и информировании о важных фактах другой стороне переговоров.

В целом все преддоговорные обязанности можно поделить в зависимости от закрепления их в законодательстве на следующие виды:

⁶⁰ Нам, К. В. Развитие принципа добросовестности. Современный этап. – С. 95.

⁶¹ Там же. – С. 96.

⁶² Там же. – С. 96.

1) прямо указанные в законе: недопущение вступления в переговоры и их продолжение без цели заключения договора (п.2 ст. 434.1. ГК РФ), внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора (пп. 2 п. 2. ст. 434.1. ГК РФ), предоставление стороне неполной или недостоверной информации (пп. 1 п.2 ст. 434.1. ГК РФ).

2) не названные прямо в законе, но вытекающие из принципа добросовестного поведения контрагентов при установлении обязательств (п. 3 ст. 307 ГК РФ). К данному виду следует относить все обязанности по добросовестному поведению, не исполнение которых влечет или может повлечь нарушение прав и законных интересов контрагента. Поэтому набор таких обязанностей может меняться в зависимости от сторон, порядка ведения переговоров, вида заключаемого договора и т.д. К таким обязанностям, например, можно отнести обязанность по сохранению тайны переговоров, обязанность изъясняться так, чтобы избежать заблуждения и быть понятым другой стороной, обязанность по принятию мер к охране переданного до заключения договора имущества (например, пробника), обязанность по предоставлению отчетов и др.

Приведем конкретные примеры. Рассматривая пример нарушения информационной обязанности, можно сослаться на упомянутое выше определение Верховного суда РФ от 20 декабря 2019 г. № 305-ЭС19-19395, в котором суд указал, что факт умолчания о параллельных аналогичных переговорах с третьей стороной является недобросовестным поведением ответчика в части непредставления всей необходимой информации для проведения переговоров.

Другой обязанностью ответчика, нарушив которую он нарушил принцип добросовестности в данном деле, стала обязанность по предложению истцу заключить договор на условиях аналогичных или лучших чем те, которые предлагает третья сторона. Данная обязанность не указана напрямую в ГК РФ, однако она прямо вытекала из существа

сложившегося между сторонами правоотношения, и может быть квалифицирована в качестве обязанности по лояльности к своему возможному партнёру.

Однако, в определении от 29 января 2020 г. № 305-ЭС19-19395 Верховный суд указал, что для признания невыполнения этих обязанностей в качестве недобросовестного поведения необходимо наличие между сторонами соглашения о порядке ведения переговоров, в котором они предусмотрели условие об эксклюзивности переговоров только с одним контрагентом в ином случае такое невыполнение будет добросовестным.

Также в данном определении указано, что в качестве недобросовестного поведения признается вступление в переговоры о заключении договора или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной. При это Верховный суд указал, что лицо обязано возместить убытки своему контрагенту ввиду недобросовестного поведения, в частности в случае, когда оно своевременно не сообщило контрагенту об обстоятельствах, препятствующих заключению договора, в том числе о своем конечном намерении заключить договор с другим контрагентом, создавая или поддерживая при этом у первоначального контрагента ложные представления о своей готовности в будущем заключить договор.

В Постановлении Десятого Арбитражного суда № А41-90214/16 от 19.09.2017 года суд признал недобросовестным поведением умолчание факта отсутствия корпоративного согласия наблюдательного совета на совершения сделки, которая, как верно указал суд, получается при обычном ходе дел до вступления в переговоры о заключении договора. Такое умолчание также может быть квалифицировано в качестве нарушения информационной обязанности по сообщению всех необходимых для заключения договора обстоятельств, т.к. неполучение такого согласия прямо влечет невозможность заключения договора.

2. Преддоговорная ответственность: основание, условия, формы

2.1. Основание и общие условия наступления преддоговорной ответственности

Перед тем как начать рассмотрение основания возникновения преддоговорной ответственности следует рассмотреть проблему неопределенности ее правовой природы. В целом в мировой практике есть три варианта решения данной проблемы:

- а) отнесение преддоговорной ответственности к деликтной (Франция);
- б) отнесение ее к договорной ответственности (Италия);
- в) признание преддоговорной ответственности в качестве самостоятельного вида гражданской ответственности (Германия)⁶³.

Какова природа института преддоговорной ответственности с точки зрения российского права? Четкого ответа нет. Так, нормы о преддоговорной ответственности за недобросовестное ведение переговоров о заключении договоров находятся в главе 28 (заключение договора) ГК РФ, которая в свою очередь находится в подразделе втором (общие положения о договоре) раздела третьего ГК РФ (Общие части обязательственного права). Данное обстоятельство указывает на то, что законодатель хотел, чтобы данный вид ответственности был частью договорной ответственности, однако есть ряд положений ст. 434.1 ГК РФ, которые позволяют усомниться в таком выводе. Речь идет о п. 7 и 8 ст. 434.1 ГК РФ.

Так, в соответствии с п. 7 правила данной статьи будут применяться независимо от того, был ли заключен договор по результатам переговоров. Это подтверждает, как правильно указывает А. В. Демина,

⁶³ Тымчук, Ю. А. Правовая природа преддоговорной ответственности: вопросы теории и практики / Ю. А. Тымчук // Научно-методический журнал «Концепт». – 2017. – № 11. – С. 3.

«самостоятельность и независимость отношений по ведению переговоров о заключении договора»⁶⁴ от возможного договорного отношения, что может возникнуть после проведения таких переговоров (т.е. после переговоров может быть заключен договор).

Пункт 8 содержит правило, по которому положения главы 59 ГК РФ (обязательства вследствие причинения вреда) могут применяться к отношениям, возникшим при установлении договорных обязательств. Пункт 19 Постановления Верховного суда РФ от 24. 03. 2016 № 7 раскрывает вышеуказанное положение ГК и говорит о том, что к отношениям, связанным с причинением вреда недобросовестным поведением при проведении переговоров, применяются нормы главы 59 ГК РФ с исключениями, установленными ст. 434.1 ГК РФ. Далее Верховный суд раскрывает некоторые примеры применения положений деликтных обязательств к преддоговорным отношениям. Так, например, юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный недобросовестным поведением его работника при проведении переговоров (статья 1068 ГК РФ). В случае, когда вред при проведении переговоров причинен несколькими контрагентами совместно, они отвечают перед потерпевшим солидарно (статья 1080 ГК РФ). Это может означать, как верно указывает А. З. Аюшеева, что «ст. 434.1. ГК РФ содержит специальные нормы о правонарушении в форме злоупотребления правом в процессе проведения переговоров о заключении договора»⁶⁵. В частности, речь идет о недобросовестном поведении в форме вступления в переговоры без намерения заключить договор, неожиданном и неоправданном прерывании переговоров. Данные формы недобросовестного поведения по своей сути больше тяготеют к деликтам.

Однако, информационная обязанность по предоставлению всей необходимой и достоверной информации таковой не является. Её скорее

⁶⁴ Дёмина, А. В. О преддоговорной ответственности в гражданском праве / А. В. Дёмина // Гражданское право. – М., 2016. – № 5. – С. 33.

⁶⁵ Аюшеева, А. З. Указ. Соч. – С. 143.

можно отнести к квазидоговорной форме недобросовестного поведения. Данный подход воспринял и Верховный суд РФ. В п. 21 вышеуказанного Постановления. Так, неисполнение информационной обязанности может повлечь наступление договорной ответственности, если договор все-таки был заключен договор по результатам переговоров. В данном случае истец может защитить себя договорными способами защиты (ст. 178, 179, 495, 732 и др.). В случае, если же договор заключен не был, то истец будет защищаться себя по п. 3 ст. 434.1 ГК РФ, т.е. по нормам преддоговорной ответственности.

Таким образом, мы видим, что преддоговорную ответственность в российском праве нельзя отнести ни к чисто деликтной, ни к договорной ответственности. Ряд составов преддоговорных правонарушений тяготеют к деликтным, а некоторые могут быть квазидоговорными. При этом для всех них установлены одни и те же последствия, которые отличны от последствий причинения вреда или нарушения договорных обязательств. Поэтому следует говорить о том, что преддоговорная ответственность в российском гражданском праве имеет самостоятельную правовую природу, которая также влияет на основание и условия её наступления.

Так, категорию «основание преддоговорной ответственности» как вид оснований гражданско-правовой ответственности можно рассматривать с двух точек зрения. Первая указывает на то, что основание преддоговорной ответственности – это совокупность правовых норм, в соответствии с которыми такая ответственность устанавливается и приводится в исполнение, т.е. речь идет о нормативном основании преддоговорной ответственности. Как отмечалось ранее, одной из основополагающих норм, устанавливающих преддоговорную ответственность, является п. 3 ст. 307 ГК РФ, а также ряд конкретизирующих ее норм, в частности ст. 431.2. и ст. 434.1. ГК РФ. При этом необходимо указывать ст. 1 и ст. 10 ГК РФ, так как именно данные статьи закрепляют принцип добросовестного поведения, из которого и берет свое начало преддоговорная ответственность.

С другой точки зрения, можно говорить о фактическом основании возникновения преддоговорной ответственности. Так для возникновения преддоговорной ответственности, как для вида гражданско-правовой ответственности, необходимо наличие определённых юридических фактов, с которыми нормы ГК РФ связывают её наступление.

В научном кругу, называют различные основания преддоговорной ответственности. Так, Ю. А. Тымчук, в качестве оснований возникновения преддоговорной ответственности называет следующие:

- недобросовестные действия, которые по своему характеру являются злоупотреблением правом;
- соглашение о порядке ведения переговоров;
- причинение вреда⁶⁶.

Однако, далее автор указывает, что «в случае, если стороны заключат соглашение о порядке ведения переговоров, в котором закрепят такой порядок и действия, которые повлекут возникновение ответственности, то в данном случае возможно говорить уже о договорной природе преддоговорной ответственности исходя из того, что основание ее возникновения будет служить нарушение положений заключенного сторонами соглашения»⁶⁷. Здесь интересно то, что указанная автором точка зрения противоречит сама себе. Так, в качестве основания преддоговорной ответственности, по его мнению, выступает соглашение о ведении переговоров, которое по своей природе является договором между сторонами, что уже влечет то, что мы не можем признавать нарушение такого соглашения как преддоговорное правонарушение, т.к. иное противоречит самой природе преддоговорной ответственности, которая не связана с фактом заключения какого-либо договора, в том числе и соглашения о ведении переговоров. Так, же автор указывает, что для

⁶⁶ Тымчук, Ю. А. Указ. Соч. – С. 4.

⁶⁷ Там же. – С. 4.

наступления ответственности при наличии такого соглашения необходимо нарушить его условия, что также не имеет никакого отношения к преддоговорной ответственности. Поэтому можно сделать вывод о том, что ни наличие такого рода соглашения ни тем более его нарушение не будут являться основаниями возникновения преддоговорной ответственности. Такая ответственность является договорной.

Другого мнения придерживается А. Буркова, она пишет, что для того чтобы преддоговорная ответственность возникла, как правило, необходимо установить следующие элементы:

- наличие преддоговорных переговоров;
- недобросовестное поведение во время переговоров;
- причинно-следственную связь между действиями (бездействием) и причиненными убытками;
- наличие убытков, подлежащих компенсации⁶⁸.

В целом, данная позиция верна, но нуждается в дополнении. Так на основе анализа положений ГК РФ и судебной практики по делам, связанным с привлечением к преддоговорной ответственности, можно выделить следующее основание и условия ее наступления:

Недобросовестное поведение. Как мы указывали ранее, наличие принципа добросовестности на преддоговорном этапе переговоров о заключении договора ведет к тому, что у сторон возникают определенные обязательства друг перед другом, которые являются преддоговорными обязательствами. Поэтому, если одна из сторон совершит действие или бездействие, которое приведет к нарушению преддоговорных обязательств, а, следовательно, нарушению принципа добросовестного поведения, то появится основание для привлечения такого недобросовестного контрагента к преддоговорной ответственности. Таким образом, основание

⁶⁸ Буркова, А. Ю. Законодательство о преддоговорной ответственности / А. Ю. Буркова // Советник юристу, бухгалтеру, кадровику. – 2015. – №. 9 – С. 17-18.

возникновения преддоговорной ответственности – это нарушение принципа добросовестности, выраженное в недобросовестном поведении.

Действия, которые приводят к такому поведению, напрямую указаны в ст. 434.1. (вступление в переговоры и их продолжение без цели заключения договора; внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора; предоставление стороне неполной или недостоверной информации; раскрытие или недобросовестное использование информации, предоставленной с условием о ее конфиденциальности) и опосредованно вытекает из п. 3 ст. 307 ГК РФ.

Однако, недобросовестное поведение само по себе не может повлечь привлечение лица к преддоговорной ответственности. Например, «в случае если убытки отсутствуют, ответственность не может возникать; таким образом, само по себе недобросовестное поведение при переговорах не влечет ответственность, стороны, если вторая сторона не может показать, что в результате этого ей причинены убытки»⁶⁹.

Таким образом, мы видим необходимость в определенных условиях, которые при их совместном наличии с основанием возникновения преддоговорной ответственности, повлекут к ее непосредственному применению к недобросовестной стороне.

Убытки. Так в соответствии с п. 3 и п. 4 ст. 434.1. ГК РФ, сторона, которая своими недобросовестными действиями при проведении переговоров о заключении договора допустила возникновение у своего контрагента такими действиями убытков, обязана их возместить. Таким образом, одним из обязательных условий возникновения преддоговорной ответственности выступают убытки, возникшие в связи с причинением своему контрагенту путем недобросовестного поведения вреда, имущественного характера. Интересен вопрос о содержании таких убытков.

⁶⁹ Буркова, А. Ю. Указ. Соч. – С. 18.

Так, абз. 2 п. 2 ст 434.1. указывает, что под убытками причиненными недобросовестным действиями контрагента следует понимать расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом. Разъясняя содержание указанной нормы Верховный суд РФ в п. 20 Постановлении от 24. 03. 2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» указал, что в результате возмещения убытков, причиненных недобросовестным поведением при проведении переговоров, потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы не вступал в переговоры с недобросовестным контрагентом. Например, ему могут быть возмещены расходы, понесенные в связи с ведением переговоров, расходы по приготовлению к заключению договора, а также убытки, понесенные в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом (статья 15, пункт 2 статьи 393, пункт 3 статьи 434.1, абзац первый пункта 1 статьи 1064 ГК РФ). Данные положения позволяют говорить о том, что «объем ответственности за нарушения на преддоговорной стадии ограничен законодателем только негативным договорным интересом»⁷⁰.

В Постановлении Десятого Арбитражного апелляционного суда от 19. 03. 2017 г. № А41-90214/16 суд оставил без изменений решение суда первой инстанции о взыскании 15 665 814, 80 руб., которые истец не получил в связи с расторжением договоров аренды складских помещений. Такое расторжение истцом, заключенных ранее договоров аренды между ним и третьими лицами, являлись приготовительными действиями к заключению договора аренды данных помещений с ответчиком. Однако договор не был заключен, т.к. ответчик действуя недобросовестно прервал переговоры.

⁷⁰ Аюшеева, И. З. Указ. Соч. – С. 141.

При этом, абз. 2 п. 3 ст. 434.1. ГК РФ содержит указание на то, что подлежат возмещению убытки, возникшие в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом. Однако, данные убытки не являются упущенной выгодой. Так, М. Н. Малеина указала на то, что «в сумму взыскиваемых убытков в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом входят затраты на те мероприятия (действия, приготовления), которые предприняты добросовестным участником переговоров, но не привели к заключению договора с третьим лицом по вине недобросовестного участника переговоров. Соответственно, потеря дохода от несостоявшейся продажи товара, от неисполненной услуги и т.п. в сумму этих убытков не входит»⁷¹.

В тоже время, в Постановлении девятого Арбитражного Апелляционного суда от 17. 04. 2017. По делу № А40-180188/2016 суд отказал во взыскании упущенной выгоды, которая являлась следствием необоснованного прекращения переговоров. Так в деле истец и ответчик вели переговоры по приобретению 100 % акции ответчика, в результате которых исполнена сделка купли-продажи 25% акций ответчика. Истец, будучи убежденным в том, что договор будет заключен и исполнен полностью, заключил соглашение об опционе на покупку акций ответчика с третьим лицом. Однако, в связи с тем, что основной договор купли-продажи акций не был заключен, у истца возникли убытки в виде упущенной выгоды в размере 15.000. 000 долларов США в виду неполучения указанных денежных средств от третьего лица из-за неисполнения договора об опционе ценных бумаг. Суд, отменяя решение суда первой инстанции о взыскании суммы упущенной выгоды, указал, «что истец заявляет требование о взыскании упущенной выгоды, однако, из абзаца 2 п. 3 ст. 434.1 ГК РФ следует, что участник переговоров вправе в порядке возмещения убытков потребовать от недобросовестной стороны возместить ему только понесенные расходы, но

⁷¹ Малеина, М. Н. Переговоры о заключении договора (понятие, правовое регулирование, правила) / М. Н. Малеина // Журнал российского права. – 2016. – № 10. – С. 45.

не доходы, которые этот участник получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено, то есть упущенную выгоду (п. 2 ст. 15 ГК РФ)»⁷².

Таким образом, мы видим, что взыскать в рамках преддоговорной ответственности упущенную выгоду нельзя. Однако в том случае, если доход не был получен из-за подготовки к заключению договора, и он не был получен именно в период самих переговоров, то такие убытки подлежат возмещению.

Данное положение очень интересно тем, что оно отходит от типичного для гражданского права РФ классификации убытков на реальный ущерб и упущенную выгоду. Здесь убытки рассматриваются с точки зрения позитивного и негативного интереса, что находится совершенно в другой правовой плоскости, «поскольку под негативным интересом понимают не только реальный ущерб, но и упущенную выгоду от несостоявшейся альтернативной сделки»⁷³.

Такое решение суда полностью соответствует позиции Верховного суда РФ о том, что в результате возмещения убытков, причиненных недобросовестным поведением при проведении переговоров, потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы не вступал в переговоры с недобросовестным контрагентом. Если бы переговоры между сторонами спора не велись бы, то истец не стал бы прекращать арендные отношения с третьими лицами и получил бы от этого доход. Во втором же Постановлении имела место быть именно упущенная выгода, т.к. в связи с прекращением переговоров о заключении договора истец не смог исполнить обязательство, вытекающее из договора с третьим лицом из-за чего он не получил положенные ему денежные средства, в связи

⁷² Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 17. 04. 2017. По делу № А40-180188/2016 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

⁷³ Рудоквас, А. Д. Нарушение обязанностей информирования: преддоговорная ответственность, заверения и гарантии возмещения потерь / А. Д. Рудоквас // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – М., 2013. – № 11. – С. 62.

с чем, суд отказал в удовлетворении такого требования, сославшись на невозможность взыскания упущенной выгоды по п. 3. Ст. 434.1. ГК РФ.

Причинно-следственная связь. Следующим обязательным условием, необходимым для привлечения лица к преддоговорной ответственности, следует указать наличие причинно-следственной связи между недобросовестными действиями лица и причиненными такими действиями убытками. О наличии такого условия прямо указывает п. 3 ст. 343.1. ГК РФ, которая говорит, что возмещению подлежит вред, *причиненный* недобросовестными действиями. Данная формулировка отражена также в п. 1 ст. 431.2. ГК РФ. В данном пункте указано, что подлежат возмещению убытки, *причиненные* недостоверностью заверений. Также факт обязательности наличия причинно-следственной связи как обязательного условия для возмещения вреда был отражен во множестве судебных актов Конституционного и Верховного судов РФ. Например, в Постановлении КС РФ от 18. 11. 2019 № 36-П, указано, что «обязанность возместить вред - мера гражданско-правовой ответственности, которая применяется к причинителю вреда при наличии состава правонарушения, который включает, как правило, наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между этим поведением и наступлением вреда, а также вину причинителя вреда»⁷⁴.

Также, в п. 8 Обзора судебной практики Верховного суда РФ № 4 2019 года сказано, что по делам о возмещении вреда суд должен установить факт причинения вреда, вину причинителя вреда и причинно-следственную связь между незаконными действиями (бездействием) судебного пристава-исполнителя и причинением вреда⁷⁵.

⁷⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.11.2019 N 36-П " [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

⁷⁵ "Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2019)" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

Вина. Еще одним обязательным условием наступления преддоговорной ответственности выступает вина лица, причинившего вред. Нормы ГК о преддоговорной ответственности прямо не дают ответа на вопрос о ее форме, обязательен ли умысел в действиях лица, причинившего вред, или же преддоговорная ответственность может наступать и при неосторожности. К. В. Нам, рассматривая умысел как обязательную форму для нарушения принципа добросовестности, указывает, что «ограничительная функция принципа добросовестности идет дальше традиционных правовых институтов, таких как запрет шиканы или недопустимость умышленного вреда»⁷⁶. Поэтому, «сфера применения принципа не ограничивается только случаями заведомого недобросовестного поведения, она является более широкой и должна учитывать все случаи атипичного соотношения интересов сторон»⁷⁷. Следовательно, нарушить принцип добросовестности можно и по неосторожности.

В целом, положения статей 434.1. содержат составы гражданских правонарушений, совершаемых на преддоговорной стадии, которые подразумевают что их совершение возможно лишь при наличии умысла, например, продолжение переговоров при заведомом отсутствии намерения заключить соглашение с другой стороной; внезапное прерывание переговоров. Однако, как правильно указывает И. З. Аюшеева, что такие формы недобросовестного поведения «можно признать одной из форм злоупотребления правом, что, в свою очередь, позволяет говорить о наличии в преддоговорной ответственности определенных признаков внедоговорной деликтной ответственности»⁷⁸. Однако, далее автор указывает на то, что «нельзя отнести к злоупотреблению правом, а поэтому и к деликтной ответственности, всякую возникающую на преддоговорной стадии ответственность, т.к. не во всех случаях она наступает именно от вины в

⁷⁶ Нам, К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики С. 141.

⁷⁷ Там же. – С. 141.

⁷⁸ Аюшеева, И. З. Указ. Соч. – С. 141.

форме умысла, она может наступить также и при неосторожной форме вины, в то время как тем злоупотребление правом предполагает только умышленную форму вины»⁷⁹. Это означает, что вина в форме умысла является обязательной лишь для отдельно взятых форм нарушения принципа добросовестности, которые по своей природе могут быть отнесены к злоупотреблению правом. В то же время нарушение обязанности по предоставлению полной и достоверной информации таковой не является, в зависимости от заключения или не заключения договора такую обязанность можно считать в первом случае договорной, во втором же квазидоговорной. Из-за чего умысел для нарушения данной обязанности не будет обязательным, ее можно нарушить и по неосторожности, например, забыв передать всю необходимую информацию своему контрагенту, что приведет к не заключению из-за этого договора и как следствие к наступлению преддоговорной ответственности.

Наличие преддоговорных отношений и отсутствие заключенного договора. Последним общим условием будет являться наличие переговоров о заключении договора, т.е. недобросовестное поведение должно иметь место в преддоговорной стадии заключения договора. Этот факт напрямую следует из правовой природы преддоговорных обязательств, как было указано ранее, они возникают вне зависимости от факта заключения договора (п. 7 ст 434.1. ГК РФ), для этого значение имеет лишь то, что стороны вступили в переговоры о заключении договора. Вступая в такого рода переговоры на стороны возлагаются обязанности по добросовестному поведению на данной стадии, нарушая которые лицо обязано понести установленную в ГК РФ ответственность за нарушение преддоговорных обязательств. При этом одни преддоговорные обязательства существуют только на данной стадии, например, обязанность не вступать и не продолжать переговоры без действительного намерения заключать договор;

⁷⁹ Аюшеева, И. З. Указ. Соч. – С. 141.

обязанность не прерывать переговоры неоправданно и неожиданно для другой стороны. Однако, мы уже ранее указывали на то, что обязанность по предоставлению всей необходимой информации может входить в содержание конкретных договоров, и иногда необходимо определять было ли нарушение данной обязанности нарушением договора или принципа добросовестного поведения на стадии переговоров о заключении из-за того, что для этих двух случаев в ГК РФ предусмотрены свои последствия. Рассмотрим данную ситуацию поподробнее.

Так, существует обязанность продавца предоставить информацию о товаре по договору розничной купли-продажи по ст. 495 ГК РФ. Нарушение такой обязанности будет считаться необоснованным уклонением от договора, что следует признать одним из видов преддоговорной ответственности (подробнее об этом в п. 2.4.). Однако, если договор розничной купли-продажи все же был заключен, после чего выяснилось, что продавец не сообщил всю необходимую информацию о товаре, то по ст. 495 ГК РФ покупатель вправе отказаться от договора, потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков. Характер наступаемых последствий прямо указывает нам на договорную природу ответственности в этом случае.

Однако, другие последствия наступают в том случае, если договор так и не был заключен по указанной выше причине: покупатель вправе требовать возмещения убытков в связи с уклонением от заключения договора по п. 3 ст. 434.1. ГК РФ⁸⁰. Здесь уже не идет речи о договорной ответственности, т.к. нет заключенного договора. И по своей природе такая ответственность будет преддоговорной.

Такого мнения придерживается и Верховный суд РФ. В пункте 21 Постановления Пленума Верховного суда № 7 от 24. 03. 2016 года сказано, что если обязанность по информированию не была исполнена и между

⁸⁰ Аюшеева, И. З. Указ. Соч. – С. 141.

сторонами был заключен договор, то сторона, которая понесла убытки может на свое усмотрение либо признать сделку недействительной по ст. 178–179, либо применить последствия нарушения такой обязанности для конкретных договоров, например, по ст. 495, 732, 804, 944 ГК РФ, а если же такого договора не было, то возмещению подлежат убытки по п. 3 ст. 434.1. ГК РФ.

Подводя итоги, повторим, что общими условиями наступления преддоговорной ответственности являются следующие:

1) убытки, возникшие у добросовестной стороны из-за недобросовестного поведения его контрагента, в состав которых не входит упущенная выгода, однако подлежат возмещению «негативный интерес».

2) причинно-следственная связь между действиями (бездействием) и убытками;

3) вина недобросовестного лица, которая может быть, как в форме умысла, так и форме неосторожности;

4) нарушение принципа добросовестности должно было произойти на преддоговорной стадии, из-за чего договор так и не был заключен;

Основанием же возникновения преддоговорной является нарушение принципа добросовестного поведения при переговорах о заключении договора, выражающиеся в совершении лицом недобросовестных действий (бездействия) которые статьи ГК РФ называют в качестве таковых.

2.2. Ответственность за недобросовестное ведение переговоров (ст. 434.1 ГК РФ)

Перед тем как приступить к анализу ст. 434.1. ГК РФ, закрепляющей ответственность за недобросовестное ведение переговоров, важно отметить, что столь новый для нашего законодательства институт не является чем-то необычным для многих стран. Одной из первых стран, в законодательство которых он был введен, стала Германия. На данный момент в Германском

гражданском уложении есть ряд норм, которые закрепляют преддоговорную ответственность – это 241, 280 и 311 параграфы. Позже многие страны восприняли и ввели в свою правовую систему данный институт. При этом в праве стран романо-германской правовой семьи институт преддоговорной ответственности проявляется двояко. «В одних странах он прямо предусматривается в гражданских кодексах (как, например, в Германии, Италии, Греции, Польше)»⁸¹. Также есть страны, где преддоговорная ответственность прямо не закреплена, однако выводится из общих положений закона доктриной и судебной практикой, например, Франция, Швейцария, Нидерланды⁸². При этом в разных странах преддоговорная ответственность имеет разную правовую природу, так, например, в Италии такая ответственность имеет договорную природу, в то время как во Франции деликтную.

Французский правоприменитель привлекает к такой ответственности, привязывая нарушение преддоговорных обязанностей, которые, как указывает Е. С. Данилова, он выводит путем расширительного толкования п. 3 ст. 1134 ФГК, закрепляющего требования добросовестного поведения при исполнении договора, к понятию генерального деликта, содержащегося в ст. 1382 ФГК. В странах же англосаксонской правовой семьи преддоговорная ответственность связана с нарушением специального обещания. Так А. Н. Кучер указывает, что «в ходе ведения переговоров одна из сторон может дать обещание, подтверждающее намерение заключить договор, при этом, рассчитывая на него, вторая сторона производит определенные расходы. В таком случае, если первая сторона знает, что вторая, полагаясь на обещание, произведет расходы, то обещавшая сторона не вправе прервать переговоры, не возместив указанные расходы»⁸³.

⁸¹ Данилова, Е. С. Новеллы в ГК РФ в сфере преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*) / Е. С. Данилова // Юридический вестник молодых ученых. – 2016. – № 2. – С. 44

⁸² Там же. – С. 44

⁸³ Кучер, А. Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект / А. Н. Кучер // – М. : Статут, 2005. – С. 239.

Таким образом, российский законодатель видел необходимость данного института для защиты нарушенных прав на стадии переговоров о заключении договора и имел возможность для анализа института преддоговорной ответственности в различных правовых системах.

Статья 434.1. ГК РФ была введена в российское законодательство Федеральным законом от 08. 03. 2015 № 42–ФЗ. Именно с введением данной статьи стало возможно говорить о наличии полноценной преддоговорной ответственности в гражданском праве России. Именно с появлением ст. 434.1. ГК РФ в России суды стали привлекать к ответственности за недобросовестное поведение на стадии переговоров о заключении договора. Именно данная норма на сегодняшний день является основной, позволяющей привлечь недобросовестного контрагента непосредственно к возмещению вреда по преддоговорной ответственности.

Пункт 1 данной статьи содержит следующее правило, используемое при ведении переговоров – физические и юридические лица свободны в проведении переговоров о заключении договора, самостоятельно несут расходы, связанные с их проведением, и не отвечают за то, что соглашение не достигнуто, если иное не предусмотрено законом или договором. В целом данное положение является повтором положения п. 1 ст. 421 ГК РФ, т.к. свобода вступления в переговоры о заключения договора – это составная часть принципа свободы договора. Указание же на то, что стороны самостоятельно несут все связанные с такими переговорами расходы и не отвечают перед друг другом за то, что соглашение не было заключено, можно расценивать как общее правило о том, что при добросовестном поведении переговоров, если по итогам переговоров договор так и не был заключен, преддоговорная ответственность на наступает. Она имеет место быть лишь при недобросовестном поведении контрагента, о чем и говорит п. 2 указанной статьи.

Пункт 2 ст. 434.1. ГК РФ закрепляет обязанность контрагентов вести себя добросовестно при проведении переговоров. Так, при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно. При этом статья называет конкретные примеры недобросовестного поведения.

Во-первых, нельзя вступать в переговоры о заключении договора или продолжать их при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной. Е. С. Данилова указывает, что «стороны идут на такое нарушение с целью получения от другой стороны важных для бизнеса сведений, либо только с намерением подчеркнуть свою коммерческую привлекательность для других контрагентов, либо с целью не допустить заключения другой стороной договора с конкурирующим третьим лицом»⁸⁴. Данное утверждение частично нашло свое отражение в пункте 19 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 7, в котором суд указывает, что истец может доказать факт, что ответчик, например, пытался получить коммерческую информацию у истца либо воспрепятствовать заключению договора между истцом и третьим лицом. Данные формы недобросовестного поведения не указаны в качестве таковых в п. 2 ст. 434.1. ГК РФ, однако суд применил расширительное толкование и указал на то, что могут быть и иные формы недобросовестного поведения, что правильно, ведь все недобросовестное поведение на стадии переговоров не может быть охвачено п. 2 ст. 434.1. ГК РФ. Однако, при этом суд не ссылается на общую норму, содержащую такую возможность, т.е. на п. 3 ст. 307 ГК РФ, вместо этого суд указывает на п. 1 ст. 421 ГК РФ, который устанавливает принцип свободы договора и запрещает понуждение к его заключению, что выглядит довольно странно, т.к. в данной норме вовсе ничего не говорится о добросовестности, в отличии от прямого правила п. 3 ст. 307 ГК РФ

⁸⁴ Данилова, Е. С. Указ. Соч. – С. 46.

При этом в данном пункте Верховный суд указывает, что предполагается, что каждая из сторон переговоров действует добросовестно, т.е. делается акцент на наличии презумпции добросовестного поведения (которая содержится в п. 5 ст. 10 ГК РФ), логичным следствием которой является указание на то, что бремя доказывания недобросовестности ответчика при переговорах лежит на истце.

Кроме того, недобросовестным поведением, в соответствии с подпунктами 1 и 2 п. 2 ст. 434.1. ГК РФ, признается:

а) предоставление стороне неполной или недостоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны. Такой информацией стоит признавать «информацию о существенных качествах предмете сделки, об обстоятельствах, из которых контрагент с очевидностью для другой стороны исходит при принятии решения о заключении сделки, о специфических условиях сделки, которые не стали предметом индивидуального согласования и прочие»⁸⁵. При этом непредставление такой или представление неполной информации неизбежно приводит сторону в заблуждение относительно возможности заключения договора или о его конкретных условиях, что и приводит к убыткам. При этом, такая информация может быть дана в форме заверений по ст. 431.2. ГК РФ и в этом случае ответственность будет наступать по данной статье (о разграничении данных статей подробнее параграф 2.3.). Стоит отметить то, что ответственность по данной статье должна наступать как при умысле, так и при неосторожности ответчика.

б) внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать. Как указывает В. К. Гнищевич, такое внезапное прекращение переговоров «попадает под формулу *venire*

⁸⁵ Данилова, Е. С. Указ. Соч. – С. 47.

contra factum proprium (лат. «поступать вопреки собственному прежнему поведению»). Такое поведение не соответствует убеждению о положительном исходе переговоров, которое было сформировано у контрагента прежним добросовестным поведением, что в итоге и приводит к нарушению принципа добросовестности»⁸⁶.

В случае, если имеются данные обстоятельства, то в соответствии в п. 19 указанного Постановления Верховного суда РФ недобросовестность действий ответчика резюмируется и уже он должен доказать тот факт, что таки действия с его стороны были добросовестными.

Анализируя судебную практику по делам, основанным на ст 434.1. ГК РФ, можно прийти к выводу о том, что истцу зачастую доказать не удастся недобросовестность ответчика, т.к. суды (а частности Верховный суд РФ) устанавливают довольно высокие требования к доказыванию такого поведения. Ранее, рассматривая соотношение принципов свободы договора и принципа добросовестно, мы приводили ряд судебных решений. Сейчас же мы рассмотрим их подробнее.

Первым рассмотрим Определение Верховного суда РФ от 20 декабря 2019 г. № 305-ЭС19-19395. Так, в деле истец и ответчик вели переговоры, предметом которых была возможная продажа истцу фитнес-клуба. В ходе переговоров, которые длились с сентября 2017 года по январь 2018 года, стороны обсуждали общие подходы к покупке объекта, установили его стоимость, определили основные моменты продажи объекта и его активов, обменивались документами. После этого истец обратился в Московскую городскую Арбитражную коллегия и Налоговую Коллегию Адвокатов, которая имеет опыт сопровождения подобных сделок, и заключил с ними соглашение об оказании юридической помощи по сопровождению сделки. Истец в виде невозвратного аванса заплатил Коллегии 520 тыс. рублей. После чего при участии адвоката коллегии был составлен проект соглашения

⁸⁶ Гнищевич, В. К. преддоговорная ответственность в российском гражданском праве: *culpa in contrahendo* / В. К. Гнищевич // Вестник ВАС. –2009. – № 3. – С. 41.

о порядке ведения переговоров, были подготовлены учредительные документы, истец подал документы в Инспекцию Федеральной налоговой службы о регистрации ООО. Однако, 10. 02. 2018 г. ответчик внезапно и неоправданно прекратили переговоры, а отказ был мотивирован тем, что продавцы параллельно вели переговоры с другим покупателем, чье предложение в итоге решили принять, посчитав его более выгодным.

Рассмотрев кассационную жалобу, судья указал, что истец произвел достаточные затраты времени, денег и иных ресурсов, будучи уверенным, что сделка будет заключена именно с ним, т.к. он не знал о ведении аналогичных переговоров ответчиком с третьей стороной, ему не было предложено заключить договор на таких или более лучших условиях, чем третьей стороне, хотя он был готов на повышение цены. Исходя из этого принимая дело к рассмотрению Верховным судом, судья пришел к выводу, что ответчик прекратил переговоры внезапно и неоправданно при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать, что свидетельствует о недобросовестном ведении переговоров.

Однако, рассмотрев дело в судебном заседании, Верховный суд в Определении от 29 января 2020 г. № 305-ЭС19-19395, указал, что гражданское законодательство РФ не ставит вопрос наступления преддоговорной ответственности в зависимости от стадии переговоров, поэтому тот факт, что переговоры прекратились на финальной стадии еще само по себе, не свидетельствует о недобросовестности сторон. Так же суд указал, что не может быть признан недобросовестным тот факт, что ответчик вел переговоры одновременно с несколькими контрагентами, и это само по себе не может служить основанием для возмещения им убытков лицу, с кем договор был не заключен. Так, суд не счел недобросовестным умолчание о факте ведения таких переговоров. Судом также не были учтены понесенные истцом затраты времени и средств на проведение переговоров. Но, отправляя

дело на новое рассмотрение, Верховный суд указал, что необходимо установить, создали ли ответчики своими действиями у истца представление о том, что сделка состоится, а также было ли уведомление истца об отказе в заключении договора внезапным, а прекращение переговоров неоправданным.

В другом деле (Постановление Десятого Арбитражного суда № А41-90214/16 от 19.09.2017) истец и ответчик находились в процессе переговоров о заключении договора аренды склада, при этом, ответчик, доводя переговоры до стадии заключения согласованных с истцом в окончательной редакции итоговых договоров аренды, прекратил деловой контакт с истцом, в дальнейшем обосновывая это неполучением корпоративного одобрения сделки.

Суд, рассматривая соответствующих спор о возмещении убытков, указал на доказанность истцом факта внезапного и неоправданного прекращения переговоров при таких обстоятельствах, при которых другая сторона не могла разумно этого ожидать. В подтверждение этому выводу суды сослались на то, что ответчик проводил юридический и финансовый анализ документации, направлял запросы на необходимые документы, согласовывал основные и детальные условия сделки по всем существенным, коммерческим и техническим условиям, неоднократно переносил и назначал новые даты ее заключения, чем позиционировал себя в глазах истца, как имеющий твердые намерения вступить с ним в договорные отношения. При этом ни электронная переписка сторон, ни иные доказательства, представленные сторонами спора, не содержат сведений о том, что при проведении переговоров обсуждался вопрос наличия неопределенности в получении ответчиком корпоративного одобрения сделки, как препятствия для ее заключения. Кроме того, корпоративное одобрение, как правило, предшествует заключению сделки. Согласовав с ответчиком все существенные условия договора, подписав договор со своей стороны и

передав его на подписание ответчику, у истца не могло быть разумных ожиданий или предположений по вопросу неполучения последним корпоративного одобрения.

В итоге суды пришли к выводу, что в «данном случае, поведением ответчика, в процессе ведения переговоров, было сформировано разумное ожидание истца в благоприятном их завершении, чему противоречит последующее поведение ответчика по внезапному и неоправданному прекращению переговоров на их финальной стадии уже после подписания договоров со стороны истца»⁸⁷.

Таким образом, мы видим, что судебная практика еще не до конца установила четкие критерии для определения недобросовестного поведения на переговорах. Важнейшим фактором, выявляемый судами при рассмотрении подобных дел, является устойчивое представление истца об успешном завершении переговоров, которое на практике трудно доказуемо. В частности, это связано с тем, о чем пойдет речь далее.

Так, не смотря на отсутствие четких критериев недобросовестного поведения на переговорах, мы уже можем увидеть, что российский суд считает, что не может само по себе свидетельствовать о недобросовестности поведения наличие таких фактов как:

а) прекращение переговоров на их финальной стадии. Однако, судам следовало более внимательно рассматривать этот факт при определении недобросовестного поведения. В Определении Верховного суда от 20 декабря 2019 г. № 305-ЭС19-19395 справедливо указано, что «чем дольше длится переговоры о заключении договора, тем выше ожидания сторон, что договор будет заключен, а критерии правомерного выхода из таких

⁸⁷ Постановление Десятого Арбитражного апелляционного суда от 19. 03. 2017 г. № А41-90214/16 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

переговоров должны быть жестче и более обоснованными...»⁸⁸. Так в частности, «в германской судебной практике ожидание успешного исхода переговоров редко признается обоснованным до того момента, когда переговоры достигают стадии направления оферты»⁸⁹;

Поэтому необходимо сделать вывод о том, что сам факт, прекращения переговоров на финальной стадии конечно не может быть достаточным основанием для определения недобросовестного поведения, однако момент прекращения переговоров важен для определения того, насколько сильно пострадавшая сторона была уверена, что заключение договора состоится. При этом, необходимо указать, что такая уверенность может быть сформирована и не только на финальной стадии переговоров;

б) наличие параллельных переговоров с третьей стороной, о которых истцу ничего не было известно по причине умолчания об этом ответчиком. Данное обстоятельство будет являться недобросовестным, как указывалось ранее, только в случае, если между сторонами было заключено соглашение об эксклюзивности переговоров;

в) понесенные затраты времени и средств на ведение переговоров. Такие затраты также могут свидетельствовать о наличии уверенности в том, что договор будет заключен и действительной воли к заключению договора. Достаточно очевиден тот факт, что чем больше сторона уверена в заключении договора после переговоров, тем больше затрат средств и времени она готова понести.

Это говорит о том, что доказать недобросовестность ответчика истцу в суде может быть достаточно сложно, а зачастую невозможно. Поэтому, как верно говорит Ю. А. Тымчук, анализ имеющейся судебной практики

⁸⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20. 12. 2019 г. № 305-ЭС19-19395 на кассационную жалобу Плетнева Павла Сергеевича (город Москва) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

⁸⁹ Мазур, О. В. Преддоговорная ответственность: анализ отдельных признаков недобросовестного поведения / О. В. Мазур // Закон. – 2012. – № 5. – С. 198.

показывает, что, как правило, истцам отказывают в удовлетворении требований, основанных на ст. 434.1. ГК РФ⁹⁰.

Довольно интересное положение содержит п. 4 комментируемой статьи. Так, в соответствии с ней, если в ходе переговоров о заключении договора сторона получает информацию, которая передается ей другой стороной в качестве конфиденциальной, она обязана не раскрывать эту информацию и не использовать ее ненадлежащим образом для своих целей независимо от того, будет ли заключен договор. При этом, если сторона нарушит такое обязательство, она будет обязана возместить возникшие в связи с этим убытки.

Несмотря на то, что данное правило существует уже 5 лет, однако судебной практики по привлечению к гражданско-правовой ответственности по данному пункту на сегодняшний день не сложилось. Однако, как следует из формулировки данного положения, передаваемая информация должна передаваться именно в качестве конфиденциальной. Это значит, что режим конфиденциальности будет распространяться на информацию в следующих случаях: 1) когда такая информация предоставлена с прямо выраженным условием о сохранении ее конфиденциальности (например, стороной получена расписка с условием сохранения конфиденциальности полученной информации или же сторонами это условие было оговорено до предоставления такой информации); 2) конфиденциальность представляемой информации и риск возникновения убытков от распространения или использованию для своих личных целей такой информации у стороны, ее предоставившей, «абсолютно очевидна любому разумному лицу»⁹¹.

Также отличительной особенностью данного пункта является то, что состав убытков не ограничен лишь расходами, понесенными на переговоры, и вызванные утратой возможностью заключить договор с третьим лицом.

⁹⁰ Тымчук, Ю. А. Указ. Соч. – С. 2.

⁹¹ Карапетов, А. Г. Преддоговорная ответственность: комментарий к новой статье 434.1. ГК РФ / А. Г. Карапетов // [сайт]. – Режим доступа: <https://zakon.ru/blog/2015/9/21>

Формулировка «убытки, причиненные в результате раскрытия конфиденциальной информации или использования ее для своих целей» свидетельствует о том, что можно взыскать и упущенную выгоду (следуя определению убытков в п. 2 ст. 15 ГК РФ).

Пункт 5 данной статьи позволяет сторонам во избежание ненужных споров и для ускорения процедуры переговоров заключить соглашение о ведении переговоров, в котором стороны могут согласовать требования к добросовестному ведению переговоров, установить порядок распределения расходов на их ведение, введение неустойки за нарушение такого соглашения и иные схожие условия. К таим условиям Данилова Е. С. относит следующие условия: «условие о запрете на ведение параллельных переговоров с третьими лицами (условие об эксклюзивности переговоров) порядок раскрытия информации, режим конфиденциальности в отношении полученной информации»⁹². Однако, нельзя в содержании такого соглашения указать положение, ограничивающее ответственность за недобросовестное поведение. Такое положение признается ничтожным. Также, данное соглашение не может обязывать стороны заключить в будущем договор, что отличает его от предварительного договора. Также необходимо повторить положение о том, что недобросовестное поведение, нарушающее условия такого договора не может признаваться основанием наступления преддоговорной ответственности. Такая ответственность будет нести строго договорной характер.

Пункт 6 ст. 434.1. ГК РФ позволяет определить круг субъектов, попадающих под действие этой статьи. Так, предусмотренные п. 3 и 4 настоящей статьи обязанности стороны возместить убытки, причиненные другой стороне, не применяются к гражданам, признаваемых потребителями в соответствии с законодательством о защите прав потребителей. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что круг субъектов, попадающих под

⁹² Данилова, Е. С. Указ. Соч. – С. 48–49.

действие указанной статьи, практически не ограничивается, т.е. применяется при переговорах между физическими лицами как имеющими, так и не имеющими статус индивидуального предпринимателя, а также при переговорах с участием всех юридических лиц. Исключение делается лишь для потребителей по ФЗ о защите прав потребителей, т.к. там используется специальный правовой режим охраны их прав и законных интересов.

П. 7 и 8 ст. 434.1. ГК РФ были детально рассмотрены в прошлом параграфе, когда обсуждался вопрос о природе преддоговорной ответственности.

2.3. Ответственность за недостоверные заверения об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ) как вид преддоговорной ответственности

Достаточно новая статья 431.2 ГК РФ, вступившая в силу 1 июня 2015 года, закрепляет возможность для сторон взыскивать убытки, причиненные предоставлением недостоверных заверений об обстоятельствах. Эта статья «реализует задачу выделения права на взыскание убытков в случае обмана в качестве самостоятельного средства защиты, которые можно применить и без оспаривания сделки»⁹³. Это достаточно важный шаг для защиты нарушенных данным способом прав. До введения данной статьи взыскать убытки можно было только при оспаривании самого договора по ст. 179 ГК, однако, не всегда сторона была заинтересована в аннулировании договора (например, договор уже был исполнен или же сторона просто хочет взыскать с обманщика убытки, но не расторгать с ним договор, иначе он просто лишится права на защиту позитивного интереса, т.е. не получит выгоды от такого договора).

⁹³ Карапетов, А. Г. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции / А. Г. Карапетов / Закон. – 2015. – № 6. – С. 48– 49.

В законодательстве РФ данный правовой институт является «правовым трансплантатом» из стран англосаксонской правовой системы. Институт «заверений и гарантий (representations and warranties) является одними из основных составляющих механизма договорного права, разработанными в английской правовой семье...»⁹⁴.

Так, в английском праве representations понимаются как «утверждение о факте – как словесное, так и выраженное конклюдентными действиями – сделанное с целью побудить лицо к действию, в особенности к заключению договора»⁹⁵. Они не являются частью содержания договора и даются на стадии переговоров о заключении договора либо непосредственно при его заключении. «Гарантии (warranty) – это явное или подразумеваемое заверение о чем-либо, являющееся частью договора»⁹⁶. При этом в английском праве ложное заверение является деликтом (tort), а нарушение гарантийных обязательств является нарушением договора.

Однако, при заимствовании данного правового института в российскую правовую систему данный институт претерпел ряд изменений, которые должны были сделать его более подходящим для российского права, что повлекло к «правовой деформации» изначального английского варианта. Поэтому, заверения об обстоятельствах, регулируемые ст. 431.2 ГК РФ, обладают элементами как гарантий, так и заверений английского права⁹⁷. Что привело к неопределенной правовой природе таких заверений.

Неопределенность правовой природы ответственности за недостоверные заверения по ст. 431.2 ГК РФ проявляется в первую очередь в последствиях. Так, «подобно representations, ответственность является

⁹⁴ Морозов, А. В. Заверения об обстоятельствах как «правовой трансплантат» в современном праве России / А. В. Морозов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 6. – С. 116.

⁹⁵ Томсинов, А. В. Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с representation, warranties и indemnity в праве Англии и США / А. В. Томсинов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 11. – С. 94.

⁹⁶ Литовченко, А. В. Заверения об обстоятельствах: сравнение с representation и warranties по английскому праву / А. В. Литовченко // Юридический вестник молодых ученых. – 2018. – № 3. – С. 27.

⁹⁷ Морозов, А. В. Указ. Соч. – С. 118.

деликтной и не зависит от признания договора незаключённым или недействительным. Однако заверения, о которых говорится в п.1 рассматриваемой статьи, аналогично последствиям нарушения warranties, приводят только к возникновению права на взыскания убытков или неустойки»⁹⁸. Также согласно п. 2 указанной статьи помимо возмещения убытков и взыскании неустойки пострадавшая сторона вправе отказаться от договора, что «не укладывается ни в концепцию representation, предусматривающую аннулирование договора, а не отказ от него; ни в концепцию warranties, нарушение которых не дает права на отказ от договора»⁹⁹. Четвертое последствие указано в п. 4 данной статьи, согласно которой сторона, заключившая договор под влиянием обмана или существенного заблуждения, вызванного недостоверными заверениями, данными другой стороной, вправе вместо отказа от договора (пункт 2 настоящей статьи) требовать признания договора недействительным (статьи 179 и 178). Такое последствие уже наиболее сближается с последствием нарушения representation.

Что касается самих заверений, то согласно п. 1 ст. 431.2 ГК РФ они могут быть даны при заключении договора либо до или после его заключения и могут иметь значение для заключения договора, его исполнения или прекращения (в том числе заверения могут относиться к предмету договора, полномочиям на его заключение, соответствию договора применимому к нему праву, наличию необходимых лицензий и разрешений, своему финансовому состоянию либо относящихся к третьему лицу).

Карапетов А. Г. указывает на то, в форме заверений одна из сторон сообщает ту или иную информацию, имеющую важное значение для другой стороны и стимулирующую последнюю заключить договор на определенных условиях. При этом, как далее указывает автор, в определенных случаях раскрытие такой информации является обязательным с точки зрения тех или

⁹⁸ Литовченко, А. В. Указ. Соч. – С. 29.

⁹⁹ Там же. – С. 29.

иных законодательных предписаний или общего принципа добросовестности (п. 3 ст. 307 ГК РФ)¹⁰⁰. Таким образом, данная статья закрепляет ответственность недобросовестной стороны в случае, если предоставленная им информация в форме заверений окажется недостоверной, но ГК РФ уже содержит ряд статей, касающихся ответственности за похожие нарушения. В частности, необходимо учитывать, что есть п. 1 ст. 434.1 ГК РФ, предусматривающий ответственность за похожее правонарушение – предоставление недостоверной информации на стадии переговоров. Заверения так же как информация, указанная в п. 1 ст. 434.1 ГК РФ может даваться на стадии заключения договора, при этом она может иметь значение для заключения договора (п.1 ст. 431.2 ГК РФ). Таким образом можно поставить вопрос о соотношении ст. 431.2 и 434.1. ГК РФ и о том может ли ответственность по ст. 431.2 ГК РФ иметь преддоговорной характер.

Для начала стоит указать, что есть несколько видов заверений, относящихся к различным обстоятельствам. Первая группа – это заверения о предмете договора. При этом, если это требование на соблюдается, мы имеем классическое нарушение договорного обязательства и ответственность за чистоту титула (ст. 461 ГК), качество (ст. 475 ГК) и т.п.¹⁰¹. Такие заверения являются частью договора, условиями, описывающими его предмет, поэтому нарушение таких заверений будет являться нарушением самого договора и речь о возникновении преддоговорной ответственности идти не может. Такие заверения наиболее близко похожи на гарантии по английскому праву (warranties).

Вторая группа – это заверения в отношении самой стороны договора. В рамках данной группы можно заверять своего контрагента о своем финансовом положении, о наличии необходимой лицензии, о наличии/отсутствии в составе акционеров тех или иных предприятий, о налоговом резиденстве и т.п.

¹⁰⁰ Карапетов, А. Г. Указ. Соч. – С. 45.

¹⁰¹ Там же. – С. 45.

Третья группа заверений – это заверения в отношении правовой судьбы самого договора. «В частности, в рамках таких заверений одна из сторон заявляет другой, что директор полномочен совершать сделку в силу устава...; сделка не является для соответствующей стороны крупной, или является крупной, но прошла все необходимые внутренние согласования...»¹⁰².

Заверения второй и третьей группы не являются составной частью договора, в силу того, что они удостоверяют факты, хоть и имеющие для заключения договора условия, но сами по себе не являющиеся содержанием такого договора, поэтому их нарушение не является основанием возникновения договорной ответственности. Данные виды заверений схожи с институтом *representation*, нарушение которого в английском праве считается совершением деликта (*tort*). Именно два данных вида могут быть рассмотрены с точки зрения их преддоговорной природы.

Однако, необходимо еще сократить круг подходящих заверений. Так в соответствии с п. 1 ст. 431.2. ГК РФ заверения могут быть даны как на преддоговорной стадии, так и позже – при заключении самого договора, а также и после его заключения. Статья же 434.1. ГК РФ говорит, лишь о предоставлении недостоверной информации на преддоговорной стадии. Таким образом для рассмотрения остаются лишь те заверения, что были даны на стадии переговоров о заключении договора.

П. 7 ст. 434.1. ГК РФ говорит о том, что для возникновения преддоговорной ответственности не важен тот факт, был ли заключен договор по результатам проведенных переговоров, в то время как из положений статьи 431.2. ГК РФ прямо следуют, что данная ответственность возникает, когда договор был заключен (именно поэтому предусмотрены такие варианты защиты своего права как отказ от договора и признание его недействительным).

¹⁰² Карапетов, А. Г. Указ. Соч. – С. 47.

С точки зрения вины в предоставлении недостоверной информации ст. 434.1 ГК РФ не дает четкого ответа на ее форму, а поэтому, как указывалось в прошлом параграфе вина может быть, как в форме умысла, так и в форме неосторожности. Ст. 431.2. ГК РФ содержит правило, согласно которому, ответственность по данной статье наступает, если сторона, предоставившая недостоверные заверения, исходила из того, что другая сторона будет полагаться на них или имела разумные основания исходить из такого предположения. Это значит, что вина в форме умысла закреплена в качестве обязательного условия наступления ответственности по данной статье. Специальное правило содержится в пункте 4 указанной статьи, согласно которому для субъектов предпринимательской деятельности и при заключении корпоративных договоров либо договоров об отчуждении акций или долей в уставном капитале хозяйственного общества, ответственность наступает вне зависимости от того знала ли виновная сторона о недостоверности таких заверений. Таким образом, неосторожность как форма вины – это специальное условие наступления ответственности за недостоверные обстоятельства.

В целом видно, что ст. 434.1. ГК РФ может выполнять функцию привлечения к ответственности за недостоверные заверения, данные на стадии переговоров, т.к. заверения – это предоставление определенной информации; вина в данных статьях может быть, как и в форме умысла, так и в форме неосторожности; ответственность по ст. 434.1. ГК РФ наступает и в случае, если договор был заключен. Таким образом, можно говорить о том, что описываемая выше часть случаев, входящих в содержание ст. 431.2. ГК РФ может быть отнесена к преддоговорной ответственности. Однако, говорить об этом можно лишь в отношении заверений в их первоначальном понимании, т.е. в понимании английских *representations*.

Проблема данной статьи заключается в том, что заверения и гарантии в ней смешаны и никак не разделяются, а поэтому учитываются лишь в том

случае, если они являются частью договора (даже если речь идет о заверениях второй и третьей группы). По такому пути складывается нынешняя судебная практика, указывая, что заверения должны быть составлены в письменной форме (Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2016 № 19АП-4508/2016 по делу № А14-18691/2015) в виде включенного в договор условия или в виде отдельного документа, например, дополнительного соглашения (Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2016 по делу № А56-35349/2016). Поэтому, заверения в понимании ст. 431.2. ГК РФ следует признавать в качестве дополнительных условий договора, которые могут являться как непосредственно условиями договора (группа заверений о предмете договора), так и не относится к самому договору напрямую, но выступать при этом определенными условиями его заключения, изменения или расторжения. Нарушение же таких условий, судебная практика понимает, как нарушение условий договора. Все это не позволяет говорить сейчас о том, что ответственность за недостоверные заверения об обстоятельствах может носить преддоговорной характер, хотя, как мы выяснили определенные случаи попадают под нее и могли бы рассматриваться как одни из случаев нарушения информационной обязанности по п. 2. ст. 434.1 ГК РФ.

2.4. Иные случаи преддоговорной ответственности в гражданском праве РФ

Еще до введения в 2015 году ст. 434.1. ГК РФ, закрепляющей преддоговорную ответственность за недобросовестное ведение переговоров, научное сообщество высказывало о наличии в гражданском праве института преддоговорной ответственности. В качестве таковой указывались следующие виды гражданской ответственности:

а) ответственность за уклонение от заключения обязательного для заключения договора;

б) ответственность при признании договора недействительным;

в) ответственность за неисполнением продавцом обязанности по предоставлению полной информации о товаре (работе, услуги), предусмотренная ГК РФ и Законом РФ «О защите прав потребителей».

Ответственность за уклонение от заключения обязательного для заключения договора.

Общей нормой, закрепляющей данную ответственность, выступает ст. 445 ГК РФ. В ней, указывается, что могут быть случаи, когда заключение договора для стороны, которой направлена оферта заключение договора может быть обязательным. К таким случаям, в частности относится:

а) заключение публичного договора (ст. 426 ГК РФ);

б) заключение договора на основании предварительного договора (ст. 429 ГК РФ);

в) заключение договора по результатам торгов (ст. 448 ГК РФ).

В свою очередь, такой необоснованный отказ от заключения такого рода договоров влечет возникновение ответственности в виде возмещения причиненных этим убытков (п. 3 ст. 426; п. 5 ст. 429; п. 4 ст. 445; п. 6 ст. 448 ГК РФ).

Так, положение п. 4 ст. 445 ГК РФ говорит нам о том, что сторона, необоснованно уклоняющаяся от заключения договора, должна возместить другой стороне причиненные этим убытки. Ключевыми словами здесь являются «необоснованно уклоняющаяся». Это означает, что в ряде случаев, когда отказ от заключения обязательного договора будет обоснован, то наступление такой ответственности не произойдет. В качестве такого примера можно указать ситуацию, когда при заключении публичного договора лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность отказывается от заключения публичного договора на том основании, что он

не обладает возможностью предоставления потребителю соответствующую услугу (товар, работу). Так, в Постановлении Пленума Верховного суда от 25. 12. 2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» в п. 20 сказано, что отказ от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю товары, выполнить работы и оказать соответствующие услуги не допускается. Однако, при этом Верховный суд говорит о том, что если такие обстоятельства есть, то бремя доказывания таких обстоятельств будет лежать на лице, обязанном заключить обязательный договор. Поэтому делаем вывод о том, что единственным случаем, когда можно отказаться от заключения публичного договора, следует признать отсутствие реальной возможности его исполнения.

Из этих положений можно сделать вывод о том, что необоснованное уклонение от заключения обязательного договора – это одна из форм недобросовестного поведения. Это полностью укладывается в содержание п. 3 ст. 307 ГК РФ, устанавливающим необходимость добросовестного поведения при установлении обязательств. В случае, когда такой отказ является обоснованным, то его следует признать находящимся в рамках добросовестного поведения, что и обуславливает отсутствие в таком случае наступления ответственности.

Основной особенностью такого вида преддоговорной ответственности является то, что она возникает непосредственно при заключении договора, в отличии от ст. 434.1 ГК РФ (по которой недобросовестные действия должны быть совершены на стадии переговоров о заключении договоров). Однако, отсутствие стадии переговоров (как при заключении публичного договора по ст. 426 ГК РФ) или же проведение замещающих переговоры процедур (торги по ст. 448 ГК РФ), или же отказ от договора в случае, когда переговоры могли и быть, но закончились заключением предварительного договора

(ст. 429 ГК РФ), на основании которого стороны и обязуются заключить договор в будущем не влияет на квалификацию необоснованного отказа от заключения обязательного к заключению договора как примера недобросовестного поведения при установлении обязательств по п. 3 ст. 307 ГК РФ. Данные случаи являются исключением из общего правила, что обуславливается их спецификой, т.е. для обязательных договоров принцип свободы договора подвергается дополнительному ограничению, из-за которого сторона ограничена в своем праве свободного выбора контрагента, поэтому и стадия переговоров о заключении договора здесь не нужна. Однако, уклонение от заключения обязательного договора является недобросовестным поведением, которое при этом как и любое другое недобросовестное поведение при преддоговорной ответственности, возникает непосредственно до заключения договора и мешает его заключению в дальнейшем. Данные обстоятельства позволяют нам говорить о преддоговорной природе ответственности, вызванной таким отказом.

Ответственность при признании договора недействительным.

Многие из отечественных цивилистов предлагают рассматривать в качестве частных случаев преддоговорной ответственности в гражданском праве РФ ответственность, возникающую при признании договора недействительным. Так, А. Н. Кучер указывает, что примерами преддоговорной ответственности может служить возмещение реального ущерба в случае заключения сделки под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ) и ответственность в случае заключения договора под влиянием обмана (ст. 179 ГК РФ)¹⁰³. При этом, К. В. Гнищевич относит к преддоговорной ответственности лишь ст. 178 ГК РФ¹⁰⁴.

Однако, такую ответственность с трудом можно отнести к преддоговорной. Несмотря на тот факт, что обязанность по возмещению

¹⁰³ Кучер, А. Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект / А. Н. Кучер // – М. : Статут, 2005. – С. 227.

¹⁰⁴ Гнищевич, В. К. Указ. Соч. – С. 31.

убытков (п. 6 ст. 178 и п. 4 ст. 179 ГК РФ) возникает из-за того, что лицо действовало недобросовестно (например, предоставило недостоверную или неполную информацию, чем ввела контрагента в заблуждение относительно условий заключения договора), т.е. лицо нарушило принцип добросовестности при установлении обязательств.

Так в первую очередь при признании сделки недействительной наступает обязанность по реституции, которая является общим последствием. Об этом говорит в первую очередь п. 2 ст. 167 ГК РФ, которая связывает наступление реституции при наличии факта недействительности сделки.

При этом, статья также говорит, что в законе могут быть указаны иные последствия недействительности сделки, каковыми и являются обязанность возмещения реального ущерба по п. 6 ст. 178 и убытков по п. 4 ст. 179 ГК РФ. Так, согласно п. 6 ст. 178 ГК РФ, сторона, по иску которой сделка признана недействительной, вправе требовать от другой стороны возмещения причиненных ей убытков, если докажет, что заблуждение возникло вследствие обстоятельств, за которые отвечает другая сторона.

Данная обязанность, как правильно указывает В. В. Богданов, носит дополняющий по отношению к основному реституционному требованию характер¹⁰⁵. Однако, в отличие от обязанности по реституции, которая возникает из-за факта признания сделки недействительной, данное последствие основанием своего возникновения имеет именно недобросовестное поведение контрагента, которое и вызвало заблуждение или обман. Однако, для признания такой ответственности преддоговорной нет всех необходимых на то условий. Так, не соблюдается условие о том, что недобросовестное поведение, которое имело место на преддоговорном этапе в дальнейшем помешало заключению договора.

¹⁰⁵ Богданов, В. В. Гражданско-правовая ответственность в преддоговорных отношениях / В. В. Богданов // Журнал российского права. – 2010. – № 2. – С. 127.

Таким образом, данный способ защиты может быть использован в случае, если стороне переговоров ее контрагентом представлена неполная или недостоверная информация либо контрагент умолчал об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны были быть доведены до ее сведения, и сторонами при этом был заключен договор (п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7). Это указывает на то, что такая ответственность возможна лишь при наличии заключенного договора, что противоречит правовой природе преддоговорной ответственности, которая возникает все зависимости от факта заключения договора. В случае же, если договор между сторонами не был заключен, то, в соответствии с данным пунктом Постановления Верховного Суда РФ, подлежит применению ст. 434.1. ГК РФ.

Таким образом, мы видим, что признание сделки недействительной отличает от преддоговорной ответственности то обстоятельство, что состоялся такой юридический факт, как заключение договора. Такой юридический факт имеет пороки и поэтому может быть оспорен в суде и признан недействительным. «Преддоговорная же ответственность возникает в чистом виде в том случае, если никаких действий, свидетельствующих о заключении договора, сторонами так и не было совершено, хотя соответствующее намерение было выражено»¹⁰⁶. Здесь следует вспомнить, что для наступления преддоговорной ответственности необходимо условие о том, что из-за недобросовестных действий на преддоговорной стадии договор не должен быть заключен. При признании сделки недействительной факт заключения договора всегда присутствует.

Преддоговорная ответственность при нарушении прав потребителя на получение информации о товаре

К. В. Гнищевич, указывает, что нормативное закрепление принципа ответственности *culpa in contrahendo* можно увидеть в двух положениях

¹⁰⁶ Аюшеева, А. З. Указ. Соч. – С. 142.

Закона о защите прав потребителей¹⁰⁷. Речь идет о статьях 12 и 14 указанного Закона. Однако, ответственность, предусмотренная данными статьями, не во всех случаях носит преддоговорной характер. Статья 12 говорит о том, что, если потребителю не предоставлена возможность незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре (работе, услуге), он вправе потребовать от продавца (исполнителя) возмещения убытков, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора, а если договор заключен, в разумный срок отказаться от его исполнения и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков. Таким образом, ответственность наступает за недобросовестное поведение продавца (непредоставление информации о товаре) при заключении договора. Статья закрепляет два возможных варианта последствий в зависимости от факта заключения договора. При заключенном договоре потребитель вправе отказаться от договора и требовать возмещения убытков, вызванных таким отказом. Отказ от договора и возмещение убытков, вызванных им – это последствия гражданского правонарушения, присущее договорной ответственности. Они связаны непосредственно с фактом заключения договора, в то время для преддоговорной ответственности этот факт не важен.

При незаключенном же договоре сторона вправе потребовать от продавца (исполнителя) возмещения убытков, причиненных необоснованным уклонением от заключения договора. В этом случае, можно говорить о том, что это преддоговорная ответственность. Так как по факту, такой отказ следует рассматривать как уклонение от обязательного к заключению договора, а именно публичного договора (ст. 426 ГК РФ), коими и являются договоры с участием потребителя. А данный вид правонарушений как указывалось ранее будет являться примером преддоговорной ответственности.

¹⁰⁷ Гнищевич, В. К. Указ. Соч. – С. 22.

Статья 14 говорит о том, что вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие конструктивных, производственных, рецептурных или иных недостатков товара (работы, услуги), подлежит возмещению в полном объеме. При этом право требовать возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товара (работы, услуги), признается за любым потерпевшим независимо от того, состоял он в договорных отношениях с продавцом (исполнителем) или нет. Однако, данная статья закрепляет не преддоговорную, а в чистом виде деликтную ответственность, за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу потребителя (исходя из п.1 ст. 1064 ГК РФ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт преддоговорной ответственности, берущий свое начало из германской теории о добросовестности, в последующем был заимствован законодательством многих государств. В нашей стране институт преддоговорной ответственности, отдельные элементы которого хотя и присутствовали в гражданском законодательстве РФ до введения в ГК РФ в 2015 года ст. 434.1, однако фактически не использовались до указанной даты, только начинает свое развитие.

Необходимость введения данного института в гражданское право РФ была вызвана постоянно развивающимся и усложняющимся порядком заключения договоров. Так, все большее значение приобретает преддоговорная стадия, которая состоит из переговоров о заключении договора и иных схожих преддоговорных контактов сторон. Не удивителен тот факт, что в условиях правовой неурегулированности недобросовестные контрагенты могли ранее ссылаться на принцип свободы договора и не заключать договор с другой стороной, которая понесла из-за этого убытки. Хотя зачастую такой отказ, сокрытый под оболочкой использования права свободного выбора контрагента и права свободного заключения или не заключения договора, являлся на деле не чем иным как злоупотреблением правом, которое было нацелено на причинение контрагенту убытков. Таким образом, необходимость введения преддоговорной ответственности выглядит достаточно очевидной.

Преддоговорная ответственность возникает на том основании, что обязанность по добросовестному поведению распространяются не только на стороны заключенного договора при его исполнении или прекращении, но и на потенциальных контрагентов еще незаключенного договора, которые находятся на стадии переговоров о его заключении. Таким образом, соблюдение принципа добросовестности при проведении таких переговорах

ограничивает принцип свободы договора в части свободного отказа от заключения договора и права свободного выбора своего контрагента, что уже не позволяет недобросовестным лицам безнаказанно злоупотреблять предоставленными им правами.

Распространение принципа добросовестности на преддоговорную стадию заключения договора также обуславливает наличие у контрагентов особых обязанностей по его соблюдению. Такие обязанности называются преддоговорными и по своей сути они призваны обеспечить защиту прав и учет законных интересов контрагентов при установлении обязательства. Данный вид обязательств возникает в связи с вступлением сторон в переговоры по заключению договора и основан на принципе добросовестности. Их несоблюдение при этом влечет наступление преддоговорной ответственности и будет расцениваться как недобросовестное поведение.

Несоблюдение требования добросовестности при установлении обязательств, которое вызвано нарушением преддоговорных обязанностей, является основанием для возникновения преддоговорной ответственности.

Однако, для привлечения недобросовестного лица к преддоговорной ответственности необходимы и другие условия, а также основание возникновения такой ответственности. Такими условиями следует признавать:

1) возникающие из-за недобросовестного поведения контрагента убытки у добросовестной стороны. При этом в их состав которых не входит упущенная выгода, однако подлежит возмещению «негативный интерес»;

2) причинно-следственную связь между действиями (бездействием) и убытками;

3) вину недобросовестного лица, которая может быть, как в форме умысла, так и форме неосторожности для отдельных видов

недобросовестного поведения, например, для несоблюдения информационной обязанности;

4) нарушение принципа добросовестности должно произойти на преддоговорной стадии, что привело к тому, что договор так и не был заключен.

Особенности основания и условий привлечения к преддоговорной ответственности позволяет говорить нам о том, что данный вид ответственности является самостоятельным, отличным от договорной или деликтной ответственности. Об особой правовой природе преддоговорной ответственности также свидетельствуют п. 7 и 8 ст. 434.1. ГК РФ. Так, возникновение преддоговорной ответственности не связано с фактом заключения по итогам переговоров договора, что говорит об отличии от договорной ответственности. При этом допускается применение Главы 59 ГК РФ (обязательства из причинения вреда), что говорит нам о том, что в преддоговорной ответственности прослеживаются некоторые элементы деликтной ответственности, т.к. некоторые составы недобросовестного поведения тяготеют к ней. Так, некоторые составы правонарушений являются формами злоупотребления правом, например, вступление в переговоры без цели заключения договора в дальнейшем. Такие составы близки по своей природе к деликтам. Однако, информационная обязанность таковой не является, на стадии переговоров о заключении договора она возникает из требований добросовестности и является квазидоговорной. Поэтому данный вид ответственности не является ни договорным ни деликтным по своей природе.

Главными нормами, позволяющими нам в полной мере говорить о том, что в российском праве установлена преддоговорная ответственность, являются п. 3 ст. 307 и ст. 434.1. ГК РФ. Пункт 3 ст. 307 ГК РФ, говорящий нам о том, что при установлении обязательств стороны должны действовать добросовестно, является общей по отношению к ст. 434.1. ГК РФ нормой и

по объему гораздо больше, т.е. формы недобросовестного поведения, указанные в ст. 434.1. не являются исчерпывающими. Могут быть и иные обязанности по добросовестному поведению, выходящие за рамки ст. 434.1. ГК РФ, но вполне подходящие под общие требования п. 3 ст. 307 ГК РФ. Однако, судебная практика, как правило, не учитывает при рассмотрении дел о преддоговорной ответственности общее основание такой ответственности в ст. 307 ГК РФ, делая ссылку лишь на нормы статьи 434.1 ГК РФ. Данное обстоятельство лишает возможности защиты по нормам о преддоговорной ответственности пострадавшего лица от недобросовестного поведения контрагента, которое произошло на стадии переговоров о заключении договора, и которое не является одним из форм недобросовестного поведения в ст. 434.1. ГК РФ, однако укладывается в рамки п. 3 ст. 307 ГК РФ.

Таким образом привлечение к преддоговорной ответственности происходит в целом по ст. 434.1. ГК РФ. Однако, данная статья не лишена своих изъянов, которые приводят к тому, что защитить свои нарушенные права в суде по ней бывает проблематично.

Основной проблемой привлечения к преддоговорной ответственности по данной статье является отсутствие четких критериев, по которым решается вопрос о недобросовестности поведения лица на преддоговорной стадии.

Российская судебная практика главным фактором, свидетельствующим о том, что свобода выхода из переговоров ограничена, делает то обстоятельство, что у контрагента в ходе ведения переговоров была сформирована уверенность в том, что такой договор будет заключен, при таких обстоятельствах, при которых он не может разумно ожидать прекращения переговоров и не заключение в последующем договора. В данном случае, необоснованный отказ от заключения договора будет расценен как недобросовестное поведение, повлекшее возникновение у

добросовестного лица убытков, что повлечет наступление преддоговорной ответственности. Однако, это обстоятельство крайне трудно доказуемо в суде, т.к. при этом на второй план суды отодвигают затраты времени и средств сторон на проведение переговоров, не учитывают само по себе то, когда переговоры были прекращены, т.е. нет особой разницы были ли прекращены переговоры на их начальной или же финальной стадии.

Данные обстоятельства приводят к тому, что большинство исков по ст. 434.1 ГК РФ отклоняются судами со ссылкой на отсутствие достаточных условий для привлечения к ответственности.

Пункт 4 ст. 434.1. ГК РФ, закрепляющий ответственность за недобросовестное использование и распространении информации, которая была передана контрагенту в качестве конфиденциальной, и вовсе за 5 лет своего существования никак себя не проявил и не стал востребованным в гражданском обороте. Об этом свидетельствует тот факт, что по данной норме отсутствует судебная практика.

Интересной особенностью данного вида ответственности является то, что убытки исчисляются по правилу «негативного интереса», что является необычным для российского права. Так, подлежат возмещению реальный ущерб, а также убытки, которые понесла сторона из-за подготовки и проведения переговоров о заключении договора, в том числе и убытки, вызванные не заключением альтернативной сделки. При этом упущенная выгода взысканию по данной статье не подлежит.

Преддоговорная ответственность также установлена рядом норм, регулирующих порядок заключения обязательных договоров, а точнее теми, что говорят о последствиях уклонения от их заключения, что является недобросовестным поведением при установлении обязательств (п. 3 ст. 426; п. 5 ст. 429; п. 4 ст. 445; п. 6 ст. 448 ГК РФ). Преддоговорную ответственность несет и изготовитель (исполнитель, продавец) за нарушение информационной обязанности по предоставлению всех необходимых

сведений о товаре (работе, услуге) потребителю (ст. 12 ФЗ о защите прав потребителей), в том случае, если нарушение такой обязанности привело к не заключению договора. В этом случае изготовитель несет ответственность как за уклонение от обязательного договора.

Отдельные случаи преддоговорной ответственности можно усмотреть в ст. 431.2 ГК РФ. Так заверения об обязательствах, данные на стадии переговоров о заключении договора, относящиеся к положению сторон договора или к правовой судьбе самого договора, в целом могут попадать под регулирование п. 3 ст. 434.1. ГК РФ. Однако, из-за смешения в данной статье двух правовых институтов английского права *representations* (заверений) и *warranties* (гарантий), которое произошло при заимствовании данного института их англо-саксонской правовой системы, заверения учитываются лишь в том случае, если они стали условиями договора (по такому пути идет российская судебная практика), а значит их нарушение – это нарушение договора, что свидетельствует о невозможности отнесения такого рода нарушения к преддоговорной ответственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] : федер. закон от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс] : федер. закон от 07. 02. 1992. № 2300-1 (ред. от 18. 07. 2019) // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. "Гражданское уложение Германии" (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. "Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона)" от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

Акты судебных органов

1. Определение Конституционного Суда РФ от 24.05.2005 № 170 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Свободного профсоюза работников МП «Медавтотранс» на нарушение конституционных прав и свобод п. 1 ст. 450 ГК РФ» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.11.2019 N 36-П "По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, абзаца второго пункта 1 статьи 9, пункта 1 статьи 10 и пункта 3 статьи 59 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина В.И. Лысенко" [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 07.02.2017) "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств" [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

4. Постановление Пленума Верховного суда от 25. 12. 2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

5. "Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2019)" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

6. Определение от 29 января 2020 г. № 305-ЭС19-19395 Верховного суда Российской федерации [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20. 12. 2019 г. № 305-ЭС19-19395 на кассационную жалобу Плетнева Павла Сергеевича (город Москва) на решение Арбитражного суда города Москвы от 21.12.2018, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.04.2019 и постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.07.2019 по делу N А40-98757/2018 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

8. Постановление Десятого Арбитражного апелляционного суда от 19. 03. 2017 г. № А41-90214/16 на апелляционную жалобу ООО «АШАН» на решение Арбитражного суда Московской области от 04.04.2017 г. по делу № А41-90214/16 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

9. Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 17. 04. 2017. По делу № А40-180188/2016 на апелляционную жалобу ЗАО «Завод «Сантехкомплект» и ЗАО "Сибпромкомплект" на решение Арбитражного суда г. Москвы от 27 января 2017 года по делу № А40-180188/16 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

10. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2016 № 19АП-4508/2016 по делу № А14-18691/2015 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

11. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.11.2016 по делу № А56-35349/2016 [Электронный ресурс] // Справочная

правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа:
<http://www.consultant.ru>

Специальная литература

1. Аюшеева, И. З. Преддоговорная ответственность: новеллы гражданского законодательства и судебной практики / И. З. Аюшеева // *Lex Russica*. – 2017. – № 5. – С. 136–147.
2. Богданов, В. В. Гражданско-правовая ответственность в преддоговорных отношениях / В. В. Богданов // *Журнал российского права*. – 2010. – № 2. – С. 124–135.
3. Буркова, А. Ю. Законодательство о преддоговорной ответственности / А. Ю. Буркова // *Советник юристу, бухгалтеру, кадровику*. – 2015. – №. 9 – С. 16–19.
4. Годэмэ, Е. Общая теория обязательств / Е. Годэмэ // – М. : юридическое издательство министерства юстиции СССР, 1948. – 511 с.
5. Голевинский, В. И. О происхождении и делении обязательств / В. Голевинский // – Варшава : типография Осина Бергера, 1872. – 302 с.
6. Гницевич, В. К. преддоговорная ответственность в российском гражданском праве: *culpa in contrahendo* / В. К. Гницевич // *Вестник ВАС*. – 2009. – № 3. – С. 18–43.
7. Данилова, Е. С. Новеллы в ГК РФ в сфере преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*) / Е. С. Данилова // *Юридический вестник молодых ученых*. – 2016. – № 2. – С. 43–50.
8. Дёмина, А. В. О преддоговорной ответственности в гражданском праве / А. В. Дёмина // *Гражданское право*. – М., 2016. – № 5. – С. 31–34.
9. Иванова, Ю. А., Меняйло, Л. Н., Федулов В. И. Принцип свободы договора в гражданском праве // Ю. А. Иванова, Л. Н. Меняйло, В. И. Федулов // *Вестник Московского университета МВД России*. – М., 2018. – № 5. – С. 69 – 71.
10. Иоффе, О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе // – М. : Юрид. лит., 1975. – 880 с.
11. Иоффе, О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР Ч. 2. / О. С. Иоффе // – Л. : изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 173 с.
12. Карапетов, А. Г. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции / А. Г. Карапетов // *Закон*. – 2015. – № 6. – С. 43–52.
13. Карапетов, А. Г. Преддоговорная ответственность: комментарий к новой статье 434.1. ГК РФ / А. Г. Карапетов // [сайт]. – Режим доступа: <http://zakon.ru/blog/2015/9/21>
14. Квициния, Н. В. Проблемы определения понятия «обязательства» в свете изменений гражданского законодательства / Н. В. Квициния // *Вестник Волгоградского института бизнеса*. – 2016. – № 2. – С. 190–193.

15. Корнилова, Н. В. О признаках обязательства / Н. В. Корнилова // *Sciences of Europe*. – 2017. – №13 – С. 22–25.
16. Корнилова, Н. В. Понятие «обязательство» в доктрине и законодательстве / Н. В. Корнилова // *Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права*. – 2016. – № 3 – С. 54–62.
17. Кучер, А. Н. Акцепт как стадия заключения предпринимательского договора / А. Н. Кучер // *Законодательство*. – М., 2001. – № 7. – С. 36–43.
18. Кучер, А. Н. Ответственность за недобросовестное поведение при заключении договора / А. Н. Кучер // *Законодательство*. – М., 2002 – № 10. – С. 17–25.
19. Кучер, А. Н. Оферта как стадия заключения предпринимательского договора / А. Н. Кучер // *Законодательство*. – М., 2001. – № 5. – С. 43–52.
20. Кучер, А. Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект / А. Н. Кучер // – М. : Статут, 2005. – 363 с.
21. Литовченко, А. В. Заверения об обстоятельствах: сравнение с representation и warranties по английскому праву / А. В. Литовченко // *Юридический вестник молодых ученых*. – 2018. – № 3. – С. 25–34.
22. Мазур, О. В. Преддоговорная ответственность: анализ отдельных признаков недобросовестного поведения / О. В. Мазур // *Закон*. – 2012. – № 5. – С. 197–205.
23. Малеина, М. Н. Переговоры о заключении договора (понятие, правовое регулирование, правила) / М. Н. Малеина // *Журнал российского права*. – 2016. – № 10. – С. 36–46.
24. Мейер, Д. И. Русское гражданское право Ч. 2. / Д. И. Мейер // – М. : Статут, 1998. – 455 с.
25. Морозов, А. В. Заверения об обстоятельствах как «правовой трансплантат» в современном праве России / А. В. Морозов // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2018. – № 6. – С. 115–121.
26. Нам, К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики / К. В. Нам // – М. : Статут, 2019. – 182 с.
27. Нам, К. В. Развитие принципа добросовестности. Современный этап / К. В. Нам // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. – М., 2018. – № 7. – С. 83–114.
28. Попондопуло, В. Ф. Обязательственное право: общая характеристика и проблемы / В. Ф. Попондопуло // *Ленинградский юридический журнал*. 2009. – № 1. – С. 7–38.
29. Рогова, Ю. В. Договор как средство обеспечения стабильности гражданского оборота / Ю. В. Рогова // – М. : Статут, 2015. – 144 с.
30. Рудоквас, А. Д. Нарушение обязанностей информирования: преддоговорная ответственность, заверения и гарантии возмещения потерь /

А. Д. Рудоквас // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – М., 2013. – № 11. – С. 58–59.

31. Рузанова, Е. В. Гражданско-правовые обязательства: понятие и классификационные критерии / Е. В. Рузанова // Юридический вестник СамГУ. – Самара, 2015. – Т. 1, № 4 – С. 58–67.

32. Савиньи, Ф. К. Обязательственное право / Ф. К. Савиньи // – М. : Типография А.В. Кудрявцевой, 1876. – 582 с.

33. Степанищева, А. М. Принцип добросовестного ведения переговоров о заключении международных коммерческих сделок: проблемы правового регулирования / А. М. Степанищева // Законодательство и экономика. – М., 2013. – № 10. – С. 67–74.

34. Тельгарин, Р. О свободе заключения гражданско-правовых договоров в сфере предпринимательства / Р. Тельгарин // Российская юстиция. – М., 1997. – № 10. – С. 13–15.

35. Томсинов, А. В. Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с representation, warranties и indemnity в праве Англии и США / А. В. Томсинов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 11. – С. 91–111.

36. Тымчук, Ю. А. Правовая природа преддоговорной ответственности: вопросы теории и практики / Ю. А. Тымчук // Научно-методический журнал «Концепт». – 2017. – № 11. – С. 1–6.

37. Хужокова, Д. Б. Принцип свободы договора в гражданском праве Российской Федерации и его ограничение / Д. Б. Хужокова // Science Time. – 2015. – № 6. – С. 568 – 571.

38. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г) / Г. Ф. Шершеневич // – М. : Фирма «СПАРК», 1995 – 556 с.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Юридический
институт
Гражданского права
кафедра

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой

Качур - Н.Ф. Качур

подпись инициалы, фамилия

« 30 » июня 2020 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

40.03.01. Юриспруденция

Преддоговорная ответственность в гражданском праве РФ

Научный руководитель Кратенко доцент кафедры гражданского права, к.ю.н. Кратенко М. В.

подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия
30.06.2020

Выпускник

Кузурманов
подпись,

30.06.2020.

дата

Кузурманов А. Д.

инициалы, фамилия

Красноярск 2020